

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)

СЕЛЕЗНЕВА Евгения Павловна

Выпускная квалификационная работа

***«Взаимосвязь отношений с отцом и собственного родительского опыта
у мужчин»***

Уровень образования: магистратура

Направление 37.04.01 «Психология»

Основная образовательная программа ВМ.5541 «Психическое здоровье»

Профиль «Консультативная психология»

Научный руководитель:
Доцент кафедры медицинской
психологии и психофизиологии,
кандидат психологических наук
Тромбчиньски Пётр Крыстиан

Рецензент:
Кандидат психологических наук,
генеральный директор НКЦ «Карповка
плюс»,
Декало Екатерина Эдуардовна

Санкт-Петербург
2022

Взаимосвязь отношений с отцом и собственного родительского опыта у мужчин

Аннотация

Целью данного исследования было выявление специфики первого опыта отцовства в связи с отношениями мужчины с собственным отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве. В исследовании приняли участие 50 мужчин: они являлись отцами впервые, а возраст их ребёнка не превышал 3 лет. Выборка была разделена на две группы по критерию элиминирования эмоций со стороны отца в детстве. В исследовании применялись методики, направленные на изучение образа собственного отца, а также взаимоотношений с ним в детстве, и опросники, изучающие эмоциональные взаимоотношения молодого отца с ребёнком, и отношение к себе в отцовской роли. Статистическая обработка данных проводилась с помощью критерия U Манна-Уитни и корреляционного анализа. Полученные данные подтвердили гипотезу о существовании взаимосвязи между отношениями мужчины с отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве и первым опытом отцовства. Результаты показали, что взаимоотношения с отцом в детстве, и особенно их эмоциональная составляющая, а также образ собственного отца связаны с принятием и восприятием себя в роли отца, описанием образа идеального отца, а также с особенностями взаимодействия молодого отца с ребёнком до 3 лет. Было показано, что элиминирование эмоций со стороны отца в детстве связано со способностью молодого отца к пониманию состояния ребёнка и его причин, а также с умением оказывать эмоциональную поддержку.

The father-son relationships in connection with an experience of paternity in young men

Abstract

The purpose of this study was to identify the specifics of the first experience of fatherhood in a connection with a man's relationship with his own father or another significant male figure in childhood. The study involved 50 men: they were fathers for the first time, and their child's age did not exceed 3 years. The sample was divided into two groups according to the criterion of elimination of child's emotions by the father in childhood. The study used techniques aimed to studying the image of one's own father, as well as the relationship with him in childhood, and questionnaires studying the emotional relationship of a young father with a child, and the attitude towards himself in a paternal role. A statistical data processing was carried out using the Mann–Whitney U test and a correlation analysis. The data obtained confirmed the hypothesis of the existence of a relationship between a man's relationship with his father or another significant male figure in childhood and the first experience of fatherhood. The results shown that the relationship with the father in childhood, and especially their emotional component, as well as the image of one's own father, are associated with acceptance and perception for oneself in the role of a father, a description of the image of an ideal father, and with the characteristics of the interaction of a young father with a child up to 3 years old. It has been shown that the elimination of a child's emotions by the father in the childhood is associated with the ability of the young father to understand the condition of the child and its causes, as well as the ability to provide emotional support.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ 12

1.1. ФИГУРА ОТЦА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЁ ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЁНКА 12

1.1.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОЛИ ОТЦА 12

1.1.2. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ И ОБРАЗА ОТЦА В РАЗВИТИИ РЕБЁНКА 19

1.1.3. ФИЗИЧЕСКОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТСУТСТВИЕ ОТЦА 27

1.1.4. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ РОЛИ ОТЦА В РАЗВИТИИ РЕБЁНКА 33

1.2. ОТЦОВСТВО КАК ЧАСТЬ ЛИЧНОСТНОЙ СФЕРЫ МУЖЧИНЫ. 37

1.2.1. ОТЦОВСТВО КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ 37

1.2.2. ПРИНЯТИЕ РОЛИ ОТЦА 39

1.2.3. ФОРМИРОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ 43

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ 48

2.1. ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ 48

2.2. ОПИСАНИЕ ВЫБОРКИ 48

2.3. ОПИСАНИЕ ГРУПП ПО ШКАЛЕ ОПРОСНИКА «СЕМЕЙНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ» 50

2.4. МЕТОДИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАНИЯ 53

2.4.1. МЕТОДИКА «ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ РОДИТЕЛЕ» 53

2.4.2. МЕТОДИКА «ЛИЧНОСТНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ» 53

2.4.3. РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ДИАГНОСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК РОДИТЕЛЕЙ У ВЗРОСЛЫХ ИСПЫТУЕМЫХ 54

2.4.4. МЕТОДИКА «СЕМЕЙНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ» 55

2.4.5. МЕТОДИКА «ШКАЛА ЛЮБВИ И СИМПАТИИ» 56

2.4.6. ОПРОСНИК ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	56
<u>ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ</u>	58
3.1. ОПИСАТЕЛЬНЫЕ СТАТИСТИКИ	58
3.2. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ГРУПП ПО ШКАЛЕ «ЭЛИМИНИРОВАНИЕ ЭМОЦИЙ».....	63
3.2.1. ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА ОТЦА	64
3.2.2. ИЗУЧЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ОТЦОМ И СЫНОМ В ДЕТСТВЕ	65
3.2.3. ИЗУЧЕНИЕ ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	67
3.2.4. ИЗУЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ОТЦА И РЕБЁНКА	68
3.2.5. ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОГО ОТЦА	70
3.2.6. ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА СЕБЯ КАК ОТЦА	71
3.3. КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ	72
3.3.1. ФАКТОРЫ, СВЯЗАННЫЕ СО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ОТЦА И РЕБЁНКА.....	73
3.3.2. ФАКТОРЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРАЗОМ ИДЕАЛЬНОГО ОТЦА	77
3.3.3. ФАКТОРЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРАЗОМ СЕБЯ В РОЛИ ОТЦА	79
<u>ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.....</u>	80
<u>ВЫВОДЫ</u>	86
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	88
<u>ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....</u>	96

Введение

Последние несколько десятилетий можно наблюдать возрастание интереса исследователей в области психологии к фигуре отца, прежде всего к её значению в развитии ребёнка (Hoffman, 2011). Как отмечают специалисты, повышение интереса в этой сфере обусловлено сразу несколькими причинами: во-первых, изменениями в социально-культурном контексте, связанными с развитием общества и ведущим к структурным изменениям в модели семьи; во-вторых, накопленными знаниями об отцовской роли и потребностью её переоценки; в-третьих, недостатком данных в этой области (Shirani, Henwood, 2010; Осинская, Кравцова, 2012).

Во многих странах необходимость следования патриархальным устоям была поставлена под сомнение, что привело к иному распределению ответственности в семье, в частности – в воспитании детей, и к изменениям в представлениях о роли отца, его вовлечённости в отношения с ребёнком (Braun et al, 2010). Отмечаются также изменения в представлениях о мужественности: исследователи всё чаще отмечают появление «новой мужественности», одно из выражений которой заключается в желании быть в большей степени ответственным за ребёнка (Клёцина, 2010). Отечественные и зарубежные источники сходятся в мнении о том, что представления о фигуре отца стали более широкими и разнообразными: от жёсткой патриархальной позиции главы семьи, авторитетного лидера, до максимальной эмоциональной заинтересованности в воспитании детей (Калина, Холмогорова, 2011; Архиреева, 2020).

Происходящие в данный момент глобальные изменения в структуре семьи и в представлениях об отцовстве обращают всё большее внимание исследователей на проблему отцовства и отцовской роли в развитии ребёнка. Однако такой интерес к фигуре отца наблюдался не всегда: например, подавляющее число исследований, посвящённых психическому развитию ребёнка, были сосредоточены на изучении значения материнской фигуры.

Теоретические разработки в отношении отцовства, роли отца в основном лежат в русле психоанализа, в истории развития которого можно пронаблюдать смену взглядов на фигуру отца: от практически полного игнорирования до концепции «Третьести» (Гулина, 2018). Исходя из психоаналитических постулатов качество отношений ребёнка с отцом в детстве (а тем более – его отсутствие) имеет влияние на взрослую жизнь, а значит – и на собственное отцовство выросшего ребёнка.

Важно отметить, что накопленные знания в области отцовства и одновременно их недостаток нельзя назвать противоречащими друг другу фактами: те данные, которые уже есть у науки дают почву для размышлений о переоценке роли и важности отца, однако дефицит знаний во многом препятствует серьёзным заключениям в данной области знаний и созданию цельной концепции отцовства (Архиреева, 2015). Недостаток знаний в области отцовства связан с тем, что фигура отца считалась менее значимой, а значит и менее интересной с точки зрения исследователя, по сравнению с фигурой матери (Там же). Отца наделяли крайне ограниченным набором необходимых характеристик (которые в настоящее время называют стереотипными), и фокус внимания исследователей направлялся на изучение отношений мать-ребёнок, а также влияния детских отношений матери со значимыми взрослыми на её чувствительность к собственному ребёнку (Braun et al, 2010). Теория привязанности Дж. Боулби, несомненно, осуществившая переворот в области раннего развития, также не включала отца как важную фигуру в развитии ребёнка, поскольку постулировала, что для нормального развития необходимо, чтобы безопасная привязанность сформировалась к одному человеку, то есть к матери, или, в иных обстоятельствах, замещающему человеку (Боулби, 2003).

Несмотря на сложившуюся традицию в отношении преимущественного изучения диадных отношений матери и ребёнка, отдельные учёные обращались к теме отцовства. Современные исследования приводят крайне интересные результаты, которые плохо сочетаются с первоначальным

взглядом на отцовскую фигуру, наделённую функциями контроля, авторитетности, защиты. За последние годы появились эмпирические данные о формировании привязанности отца к ребёнку; значении вовлечённости отца во взаимодействие с ребёнком и недостаточности лишь его формального присутствия; об отличиях отцовского и материнского влияния на психическое развитие ребёнка (Ramchandani et al, 2013; Huang et al, 2020; Quach et al, 2018).

Существуют данные о влиянии качества взаимодействия отцов и детей до одного года на уровень эмоционального развития повзрослевших детей (Ramchandani et al, 2005), а также о том, что позитивный отцовский образ может влиять на эмоциональное благополучие и формирование пороловой идентичности подростков (Калина, Холмогорова, 2011).

Однако, несмотря на возрастающий интерес к этой теме, материнство остаётся доминирующей темой в исследованиях по раннему развитию и по психологии родительства, что, конечно, отражается в практике (Там же; Осинская, Кравцова, 2012).

Если говорить об изучении родительства в психологии в целом, то можно выделить как минимум два важных аспекта его изучения. Во-первых, в сфере психологии развития родительство изучается с точки зрения влияния родителей на детей, на их психическое и личностное развитие. Этот подход является более распространённым. Во-вторых, с точки зрения психологии личности – родительство – одна из областей самореализации личности, а родитель – роль, для которой необходимы определённые изменения. При рассмотрении обоих аспектов можно сделать вывод о большей разработанности темы материнства. Отцовство и в первом, и во втором случае остаётся малоизученной, но чрезвычайно актуальной темой.

Мы считаем нужным осветить оба аспекта несмотря на то, что в данной работе отец – отправная точка исследования. Оба этих аспекта связаны: присущий мужчине стиль отцовства может влиять на психическое, эмоциональное и ценностное развитие ребёнка, что будет выражаться и во

взрослой жизни, в том числе в семье, при формировании собственных родительских позиций, принятии отцовской роли, отношении к собственному ребёнку и себе как к родителю.

Актуальность данного исследования может быть описана с разных сторон. Во-первых, тема отцовства как за рубежом, так и в России изучена недостаточно – наблюдается значительный перевес исследований, направленных на изучение материнства (Гулина, 2018). Во-вторых, в России, в частности, к теме отцовства проявляется меньший исследовательский интерес по сравнению с зарубежными исследованиями (Посохова, Липпо, 2007). В-третьих, эмпирических исследований о связи детских взаимоотношений с отцом и собственного отцовства мужчины – крайне мало несмотря на то, что идея о существовании такой связи достаточно широко представлена в теоретических концепциях отцовства (Corneau, 1991). Существующие в этой узкой области исследования в основном направлены на изучение опыта отцовства мужчин, выросших без отца. Отличие данной исследовательской работы заключается в охвате мужчин с разными семейными ситуациями (и из полных, и из неполных семей), а также в изучении специфики и качества взаимоотношениях с отцом или иной значимой мужской фигурой, если таковые имелись.

Полученные в ходе исследования данные могут укрепить теоретическую базу, а также иметь практический выход: выявив связь трудностей вхождения в новую роль отца, принятия ребёнка и особенностей взаимодействия с ним со взаимоотношениями с отцом в детстве, можно выявить группы риска и разработать рекомендации для них.

Объектом исследования является первый опыт отцовства

Предметом исследования является взаимосвязь первого опыта отцовства и отношений мужчины с собственным отцом в детстве

Цель исследования заключается в выявлении специфики первого опыта отцовства в связи с отношениями мужчины с собственным отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве.

Задачи исследования:

- Выявить как отношения с отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве связаны с первым опытом отцовства (принятием себя в роли отца, восприятием себя в отцовской роли, отношениями с ребёнком).
- Выявить как образ отца связан с первым опытом отцовства (принятием себя в отцовской роли, восприятием себя в роли отца, отношениями с ребёнком).

Гипотезы исследования:

Основная гипотеза:

Существует взаимосвязь между отношениями мужчины с отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве и первым опытом отцовства

Дополнительные гипотезы:

- Взаимоотношения с отцом в детстве связаны с особенностями взаимодействия молодого отца с ребёнком до 3-ёх лет
- Специфика эмоциональной составляющей в общении с отцом в детстве связана с особенностями взаимодействия молодого отца с ребёнком до 3-ёх лет
- Образ отца, сложившийся в результате взаимоотношений с отцом в детстве, связан с образом идеального отца и восприятием себя в роли отца в первые три года отцовства
- Особенности взаимоотношений с отцом в детстве связаны с образом идеального отца и восприятием себя в роли отца в первые три года отцовства

Для реализации цели и задач исследования были выбраны следующие методы:

1. Методика «Представления об идеальном родителе» (Р.В. Овчарова, Ю.А. Дегтярева)

2. Методика «Личностный семантический дифференциал» (адаптирована в научно-исследовательском институте имени В.М. Бехтерева)
3. Ретроспективная диагностика особенностей воспитательных практик родителей у взрослых испытуемых (РВІ Паркера в переводе Холмогоровой)
4. Методика «Семейные эмоциональные коммуникации» Холмогоровой А.Б., Воликовой С.В.
5. Опросник «Шкала любви и симпатии» (З.Рубин, модификация Л.Я.Гозман, Ю.Е.Алёшина)
6. Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Захаровой Е. И.

Статистический анализ полученного эмпирического материала проводился с использованием программы SPSS Statistics, в частности с помощью нижеперечисленных методов статистического анализа:

1. Описательные статистики
2. Корреляционный анализ по критерию Спирмена
3. Критерий U Манна-Уитни для сравнения двух групп по шкале «Элиминирование эмоций».

ГЛАВА 1. Обзор литературы по теме

1.1. Фигура отца с точки зрения её значения для психического и личностного развития ребёнка

1.1.1. Теоретические представления о роли отца

Теоретические разработки в отношении отцовства и роли отца в основном лежат в русле психоанализа. История изучения отцовской фигуры в психоаналитической традиции богата на различные концепции.

Основатель психоанализа Зигмунд Фрейд в своих работах большое внимание уделял фигуре отца и её роли, функциям. Описывая их, он делал акцент на тех её составляющих, которые связаны с подавлением, наказанием, авторитарностью (Гулина, 2018). Значение этих составляющих невероятно высоко: они связаны с возникновением Эдипова комплекса, в результате разрешения которого у ребёнка развивается Суперэго (Фрейд, 2015). По Фрейду в эдипальный период, когда ребёнку от трёх до пяти лет, отец является центральной фигурой, более сложной и амбивалентной, чем фигура матери (Коряков, 2002; Фрейд, 2015). Амбивалентность отцовской фигуры заключается в том, что на неё направлены как идеальные, так и агрессивные проекции сына, желание быть похожим на отца и, одновременно с этим, желание избавиться от него. В условиях невозможности удовлетворения своих инцестуозных желаний по отношению к матери, сыну остаётся только идентифицироваться с отцом (Britton, 1989).

После Второй Мировой войны фигура отца в психоаналитических исследованиях оказалась в тени: последователи психоаналитических идей в лице дочери Зигмунда Фрейда - Анны Фрейд, а также Мелани Кляйн, Маргарет Малер и других, сфокусировались на фигуре матери. Например, Мелани Кляйн была предложена своя концепция эдипального конфликта, в которой фигура отца не занимает центральных позиций (Кляйн М. et al, 2001). Долгое время в раннем развитии ребёнка психоанализ был сфокусирован на диаде «мать-ребёнок», оставляя отцу второстепенную роль (Mahler, Gosliner,

1955). И хотя в трудах Фрейда и Малер признаётся то, что образ отца у ребёнка возникает ещё до эдипального периода, его роль либо недостаточно описана, либо не считается значимой. (Фрейд, 1991; Mahler et al, 1975).

Описываемые исследователями тех лет ролевые задачи отца в основном заключались в дисциплине, контроле и наложении запретов, а отцовские забота и нежность по отношению к ребёнку рассматривались как результат идентификации с собственной матерью, присутствие женских качеств в личности мужчины, и их проявление не выделялось в какую-то присущую отцу функцию (Коряков, 2002).

В 50-е и 60-е тема отцовства оставалась непопулярной среди исследователей раннего развития, однако всё же отдельные учёные к ней обращались. Так, в 1951 году психоаналитик Ганс Левальд на основе некоторых не получивших развитие идей Фрейда о доэдипальной роли отца сделал своё предположение: фигура отца имеет большое значение для формирования чувства реальности и эго-идентичности ребёнка, и особенно важно это для ребёнка мужского пола (Loewald, 1951).

С 1969 по 1972 годы британский психоаналитик Джон Боулби опубликовал три части своей монографии «Привязанность и потеря», в которой полно описал теорию привязанности. Боулби фокусировал внимание на отношениях между матерью и младенцем, наиболее важными характеристиками которых являются качество привязанности ребёнка к матери, чувствительность матери к потребностям ребёнка и способность их удовлетворять. Также важным аспектом в теории привязанности являются внутренние рабочие модели привязанности, установки о себе и объекте привязанности, формирование которых происходит в результате опыта раннего взаимодействия со значимым взрослым, которым чаще всего выступает мать (Боулби, 2003).

Поворотные с точки зрения расширения роли отца исследования отцовства относятся к 70-м годам: исследователи находили всё больше подтверждений тому, что уже с самого раннего возраста ребёнок различает

отца и мать, и отцы иначе, чем матери, взаимодействуют с младенцем, что имеет определённое влияние на развитие ребёнка (Pedersen, Robson, 1969; Burlingham, 1973). В своей книге «Психоаналитические теории развития» Тайсон Ф. и Тайсон Р. писали: «Лишь сравнительно недавно были предприняты прямые, являющиеся результатом наблюдения, исследования отец – ребёнок, и было исследовано влияние отсутствия отца» (Тайсон, Тайсон, 2013). Они приводят в качестве примеров исследования, датируемые 70-ми – 80-ми годами. В частности, исследователи отмечали отличия в манере взаимодействия с ребёнком у отцов и матерей, связанные в основном с характером игры и обучения (отцы более активны), а также то, что отсутствие или потеря отца могут быть связаны с труднораспознаваемыми поведенческими и аффективными расстройствами.

Несмотря на разрозненность и порой противоречивость данных о значении отца для психического развития ребёнка, предпринимаются попытки обобщения информации и создания комплексных моделей влияния отцовской фигуры на развитие личности.

Психоаналитики конца XX века предпринимали попытки обобщить данные о роли отца в развитии ребёнка. Так, отцовская роль может заключаться в структурировании внутреннего мира ребёнка посредством придания ощущениям эмоциональной связности, при этом условием для её осуществления является психологическая доступность отца, а не просто его физическое присутствие (Rosenfeld, 1992). Канадский психоаналитик Г. Корно отметил, что отец связан с развитием способности к проявлению нормальной агрессии (способности к самоутверждению и самообороне), сексуальности, исследовательского интереса и любопытства, и особенно отцовская фигура важна для психического развития мальчика. Любовь отца обладает характеристикой условности, в отличие от материнской безусловной любви, и это способствует развитию у ребёнка чувства ответственности (Corneau, 1991).

В одной из зарубежных моделей влияния фигуры отца на развитие ребёнка, в качестве основных характеристик отношения отца к ребёнку

выделяются вовлечённость, ответственность и доступность. Вовлечённость обозначает качество непосредственного взаимодействия отца и ребёнка во время игр, досуга, бытовых занятий, в то время как под доступностью имеется в виду потенциальная возможность взаимодействия с ребёнком здесь и сейчас. Степень удовлетворения потребностей ребёнка оценивается в рамках конструкта «ответственность» (Lamb M., Lewis C., 2004). В другой модели выделяются конструкты принятия и отвержения, на основе которых выстраивается понятие «отцовская любовь» (Rohner R., 1998).

Между вовлечённостью отца во взаимодействие и когнитивным развитием сына была выявлена связь: отец является примером при решении задач и проблемных ситуаций и даёт модель действенного, практического их решения (Борисенко, 2007).

Отечественная психология тоже сравнительно недавно обратилась к теме отцовства (Архиреева, 2015). Прежде всего тема отцовства рассматривалась в контексте общественно-исторических изменений в структуре семьи: по мнению Кочубей в обществе произошла переоценка значимости патриархального устройства семьи, что привело в нашей стране к тому, что воспитание детей стало преимущественно женской задачей, а значение отцов стало второстепенным (Кочубей, 1993). Изменения в структуре семьи часто называют «кризисом отцовства», при этом данное явление отмечают специалисты по всему миру (Кон, 2009). Кон отмечает, что кризис отцовства можно рассматривать в трёх измерениях: в контексте кризиса семьи, кризиса маскулинности и кризиса власти (Там же). Липпо отмечает в своей диссертации, что мысль о слабости, некомпетентности и неадекватности современных отцов скорее стереотип, а изменения в семейной структуре и в отношении к отцовству больше продиктованы проблемой развития и использования личностного потенциала, усиливающегося влияния человеческого фактора на различные стороны действительности (Липпо, 2005). Ряд исследователей полагают, что главная проблема семьи в настоящее время заключается в регуляции противоречий и в достижении

диалектического единства, баланса, который оптимален для полноценного психического развития ребёнка (Удальцова, 2009).

Возвращаясь к рассмотрению отечественных теоретических разработок в области отцовства, нельзя не упомянуть одну из первых и известных моделей отцовства, которую разработал Кочубей. Он выделил следующие полярные аспекты взаимодействия отца с ребёнком: «отношение к ребёнку на равных – отношение к ребёнку свысока» и «участие – пренебрежение». В результате комбинации этих характеристик выделяются четыре стиля взаимодействия отца с ребёнком: участие на равных, предполагающее проявление заботы и предоставление автономности; участие свысока, которое характеризуется отсутствием автономии у ребёнка, полным контролем со стороны отца; пренебрежение на равных, которое можно описать как грубое отношение с пренебрежением потребностями ребёнка; пренебрежение свысока, которое описывает холодного, «отсутствующего» отца (Кочубей, 1993).

Несмотря на изменения в культурно-историческом контексте, исследователи смогли выделить несколько наиболее устойчивых и универсальных для разных культур функций фигуры отца:

- Значение отца в переходе из диадных отношений с матерью в триадные;
- Расширение диапазона поведения, открытие ребёнку других способов взаимодействия;
- Значение в формировании у ребёнка представлений о семейной иерархии;
- Значение в формировании у ребёнка представлений о себе как о потомке двух родов – материнского и отцовского (Калина, 2007).

Обобщение психоаналитических представлений о роли, функции и значении отцовской фигуры, а также наработок в сфере теории привязанности и в системном подходе дало возможность выделить следующие роли отца, во многом созвучные функциям фигуры отца, описанным выше: отец как Третий,

отец как муж, отец как родной человек и отец как мужчина (Калина, Холмогорова, 2011).

Наличие Третьего в литературе часто обозначают понятием «Третьесть» («Thirdness»). Идея Третьести подразумевает наличие такого объекта, который способен создать иную точку отсчёта вне диадических отношений. Отец как Третий находится рядом с диадой «мать – ребёнок» и обеспечивает нормальный переход из диадных отношений в триадные, сопровождение процессов сепарации – индивидуации. Важнейшими качествами на этом этапе являются бóльшая психологическая дистанция с ребёнком, чем у матери, но при этом психологическая доступность отца, вовлечённость во взаимодействие с ребёнком и чувствительность к его потребностям (Калина, Холмогорова, 2018). Бóльшее расстояние между ребёнком и Третьим необходимо по причине того, что «пока третий человек диадически связан с ребёнком, он не может функционировать как настоящий третий» (цит. по Гулиной, Гулина, 2018). Подчёркивается, что при бóльшей дистанции необходима доступность отца: в случае его недоступности невозможно построение отношений и взаимность (Калина, Холмогорова, 2018).

Отец является для ребёнка не просто человеком, который находится рядом, а той фигурой, у которой есть особые отношения с матерью, отличные от его собственных диадных отношений с матерью и отличные от его отношений с отцом. Мужчина, являясь отцом для ребёнка и мужем для матери ребёнка, способствует формированию у ребёнка представлений о внутрисемейной иерархии. Для успешного усвоения принципов семейной иерархии важным является качество отношений между матерью и отцом и чувство исключённости из этих отношений. Представления об иерархии в семье, о существовании различных взаимоотношений внутри семьи способствует развитию социальных навыков (Britton, 2000). Особенно важно для ребёнка наблюдать иное качество взаимоотношений родителей: наиболее благоприятной ситуацией будет сохранение любовных отношений и высоких оценок друг друга. Недооценка кого-то из родителей может создать сложности

в идентификации с ним и затруднить процессы сепарации (Васильева, 2006). Что касается любовных отношений между родителями, можно отметить, что существуют данные, которые говорят о снижении доли незрелых психологических защит у подростков, если они представляют родителей как пару (Калина, Холмогорова, 2011). Не только нарушение эмоциональных отношений с кем-то из родителей, но и проблемы в отношениях между родителями могут быть связаны различными психологическими трудностями как ребёнка, так и уже взрослого человека (Боуэн, 2005).

Далеко не все дети растут с родными матерями и отцами, и не редкостью является ситуация, при которой отцовской фигурой выступает отчим, дедушка или другой значимый мужчина. Зачастую дети воспитываются матерями-одиночками и не имеют значимой мужской фигуры в окружении. Исследователи придерживаются различных точек зрения в вопросе важности родственной связи между ребёнком и мужской фигурой, воспитывающей его. Представители системного подхода придают особое значение преемственности поколений, бессознательной связи с родственниками, что выражается в одном из понятий системной семейной психологии – семейный миф (Боуэн, 2005; Петрановская, 2017). Одни исследователи говорят о вреде отсутствия (ухода, смерти) родного отца для эмоционального здоровья ребёнка, другие считают, что нормальное эмоциональное развитие вполне возможно и при отсутствии и родного отца (Боуэн, 2005; Corneau, 1991; Фигдор, 2021; Тайсон, Тайсон, 1998). Несмотря на расхождения во мнениях о значении воспитания ребёнка родным (биологическим) отцом, исследователи в основном сходятся в выводах о важности понимания ребёнком того, что он является потомком двух родов (Дольто, 2003; Фигдор, 2021). Знание мальчика о своём биологическом отце может быть важно для формирования о себе представления как о будущем родителе, продолжателе рода (Дольто, 2005).

Принадлежность родителей к разным полам – женскому и мужскому, несомненно, является важным фактом для развития ребёнка. Психологи придают особое значение роли отца как мужчины: отцы играют ключевую

роль в процессах формирования полоролевой идентичности как мальчиков, так и девочек, помогая отделить мужское от женского (Васильева, 2005). На то, насколько успешно эти процессы построения полоролевой модели поведения будут протекать, может влиять демонстрация отцом определённого уровня маскулинности и феминности: как слабость, ранимость, пассивность и беспомощность отца, так и гипермаскулинное поведение (строгость, враждебность, холодность) неблагоприятно отражаются на процессах формирования полоролевой идентичности как девочки, так и мальчика (Васильева, 2005; Corneau, 1991).

Интерес к фигуре отца в течении долгого периода оставался незначительным, и одни из самых важных теоретических концепций психического развития ребёнка либо исключали отца из рассмотрения, либо не придавали ему большого значения. Можно сделать вывод о том, что серьёзный интерес к изучению влияния отцовской фигуры на развитие ребёнка возник гораздо позже появления известных, ставших классическими, исследований влияния материнской фигуры на развитие ребёнка. Роль отца рассматривалась более обобщённо, чем роль матери. Отец по отношению к ребёнку выступает в разных ипостасях: как Третий, как мужчина, как муж матери и как родной человек. При этом сравнительно недавно стали появляться исследования, конкретизирующие значение отцовской фигуры для психического и личностного развития ребёнка, определяющие важные аспекты детско-отцовского взаимодействия, выявляющие наиболее значимые качества отца – например, ответственность, эмоциональная доступность, вовлечённость, чувствительность к потребностям ребёнка.

1.1.2. Роль личности и образа отца в развитии ребёнка

При рассмотрении роли отца в развитии ребёнка неизбежным становится обсуждение личностных характеристик родителя, приводящих к тому или иному поведению по отношению к своим детям. Например, Коряков Я. И. отмечает, что эмпатия по отношению к ребёнку может быть возможна,

если самость отца хорошо развита и интегрирована. Эмпатия делает возможным понимание и удовлетворение потребностей ребёнка таким образом и в том объёме, чтобы создать наиболее благоприятные условия для поддержания и развития самости ребёнка. Коряков Я. И. также отмечает, что даже при адекватных со стороны отцовско-детских отношениях отцу недостаточно просто быть «мишенью для идентификации», ему необходимо иметь способность испытывать удовлетворение от своей отцовской роли, радость от того, что он может быть для своего ребёнка достойной поддержкой (Коряков Я. И., 2002).

Многие исследователи говорят о большом значении активности, которая выражается в вовлечённости во взаимодействие с ребёнком, самодостаточности и дружелюбии отца. Враждебность по отношению к своему сыну, стремление к соревнованию, отношение к нему как к сопернику может привести к формированию чувств уязвимости, незащищённости, слабости, что в конечном счёте ведёт к потребности демонстрации силы (Тайсон, Тайсон, 1998). Характеристики феминности и маскулинности также являются предметом рассмотрения при исследовании фигуры отца. Так, гипермаскулинность отца, выражающаяся в преувеличенной демонстрации власти, силы, контроля, ведёт к блокировке развития автономии, самостоятельности сына (Калина, 2008). Калина отмечает, что ни гипермаскулинный, ни феминный способ поведения отца не являются желательными, поскольку повышают риск появления каких-либо проблем в психическом развитии и трудностей в личностной сфере сына (Там же). Гай Корно говорит о значении демонстрации отцом разных сторон своей личности – как сильных, так и слабых: «Открыто заявляя о своих недостатках, отец открывает своему ребёнку реальный мир» (Corneau, 1991).

Специфика отцовского поведения, заключающаяся в вовлечённости или её отсутствии, а также ценностное отношение отца, может определять видение отцовских функций, ценностный компонент отцовства и образ отца у ребёнка (Борисенко, 2018).

Исследования, посвящённые отцовству, часто акцентируют внимание на изучении образа отца и его значении для развития личности ребёнка. Важно отметить различие и соотношение понятий «личность отца» и «образ отца». Воспринимаемые ребёнком личностные характеристики отца могут отличаться от реальных их проявлений, меняться под влиянием прошлого опыта, контекста, фантазий, и именно воспринимаемые личностные особенности складываются в образ человека.

Образ – это одно из фундаментальных понятий в психологии, представляющее собой форму отражения объекта, явления в сознании (Конюхов, 1994). Образы являются содержанием психики, обладают характеристиками субъективности (зависят от потребностей, мотивов, установок, целей, эмоций) и изменчивости (под влиянием опыта) (Володина, 2014). Образы людей выделяются в группу социально-перцептивных образов, отражающих в сознании человека самого себя и других людей как членов общества (Архиреева, 2020). Среди образов других людей образы родителей, несомненно, начинают формироваться в самую первую очередь.

Образ отца — значимый для психического развития ребёнка конструкт, формирование которого начинается с самого рождения (Калина, 2018). По разным данным ребёнок начинает различать отца в течение первого года жизни, однако существует также предположение о врожденном знании ребёнка об отце (Krampe E., 2003).

Определение образа отца дают Осинская и Кравцова: «Образ отца – значимый фактор, влияющий на способность индивидуума к раскрытию внутреннего потенциала, на стремление к саморазвитию и самореализации, или же наоборот, приводящий к остановке в развитии и психологическому регрессу» (Осинская, Кравцова, 2012). В определении, данном Литвиновой и Большаковой, выделяется определяющая развитие функция образа: образ родителя – это «восприятие ребёнком различий психологических качеств отца и матери, определяющих развитие его будущей личности» (Литвинова, Большакова, 2005).

Одно и то же поведение родителя может быть трактовано ребёнком неодинаково по разным причинам, поскольку образ отца формируется не только под влиянием опыта общения с отцом. Образ отца подвергается влиянию внешних и внутренних факторов и отражает физические, интеллектуальные и эмоциональные аспекты фигуры отца (Калина, Холмогорова, 2011). К внутренним факторам относятся фантазии и половозрастные и ситуативные проекции, а к внешним – взаимодействие, коммуникация с близкими людьми, стереотипы об отце, его роли, значении, распространённые в культуре (Калина, 2018). Эти факторы друг с другом связаны и действуют друг на друга: Калина отмечает, что ребёнок может ощущать отношения своей матери к отцу, но эта информация подвергнется воздействию фантазий и проекций ребёнка (Там же). Однако, признавая сложную картину факторов, влияющих на образ отца, некоторые исследователи выделяют именно характер отцовских практик как ключевой компонент в формировании образа отца у ребёнка (Борисенко, 2018).

С точки зрения психоаналитиков дети дошкольного возраста часто воспринимают отца как соперника, и расхождение между реальным поведением отца и образом отца, сформированным у ребёнка, может быть весьма велико. В работах Фрейда можно обнаружить такие описания образа отца у детей: человек, который заботится на физическом уровне; отец как объект любви и восхищения; отец как защитник; враждебный авторитет; отец как богоподобная фигура (Калина, 2018). Однако начиная с подросткового возраста образ отца начинает приближаться к объективной действительности, поскольку ребёнок лучше соотносит свои фантазии и реальность (Тайсон, Тайсон, 1998). Разрушение прежнего, идеализированного, фантазийного образа родителя приводит к формированию нового образа, обладающего характеристиками, более совпадающими с действительностью (Кохут, 2002). Однако зачастую эти процессы затруднены, что может привести к различным сложностям во взрослой жизни (Осинская, Кравцова, 2012).

Закономерности, связанные с образом отца и личностным развитием подростков, достаточно активно изучаются в отечественной науке, поскольку одной из традиционно выделяемых функций фигуры отца является её участие в полоролевой идентификации (Калина, 2007). Калина обнаружила, что особенно важным фактором, оказывающим влияние на полоролевою идентичность мальчиков, является воспринимаемая ими теплота отца. Позитивный образ отца, характеризующийся теплотой, также связан с сочетанием маскулинности и феминности, то есть с психологической андрогинностью (Калина, 2008). Андрогинность, являясь наиболее гибким типом полоролевой идентичности, чаще встречается у тех мальчиков-подростков, у которых сформирован позитивный образ отца (Келли, 2000; Калина, 2008). Феминный же тип полоролевой идентификации чаще формируется у тех юношей, которые эмоционально не выделяют образ отца, ни в позитивном, ни в негативном ключе. Наибольшие трудности в полоролевой идентификации испытывают те младшие подростки мужского пола, отцы которых представляются им чрезмерно контролирующими, критикующими, запрещающими, подавляющими, не поддерживающими: в такой ситуации мальчику трудно проявлять себя в любом ключе: как в маскулинном, так и в феминном (Калина, 2008). В другом исследовании было обнаружено, что девочки и мальчики подросткового возраста по-разному описывают образ отца: представления мальчиков о своих отцах низко дифференцированы по сравнению с представлениями девочек. Это объясняется тем, что мальчики включены в общение с отцом и его поведение воспринимается в целом, а также имеют более низкую критичность и высокую толерантность к негативным чертам характера отца, либо, наоборот, недостатком общения с отцом, что, закономерно, затрудняет его описание (Липпо, 2007; Посохова et al, 2008). Образ отца и стремление к самоактуализации связаны, однако в образе отца есть и те характеристики, которые положительно влияют на самоактуализацию, и те, чьё влияние можно охарактеризовать как негативное. Сыновья, в образе отца которых

преобладают лидерские качества и характеристики, связанные с успешностью, более независимы при принятии решений, более свободны с своим поведением, проявлении силы, принципах, целях, а также проявляют больше самолюбия и активности, чем те мальчики, в представлениях которых отец неуспешен и не является лидером. Также образ отца-главы семьи присущ тем мальчикам, которые обладают больше спонтанностью в поведении, а образ отца, добившегося в жизни многого, чаще принадлежит юношам с высоким уровнем самоуважения, что может быть связано с их идентификацией с отцом. Идентификация с отцом может служить основой для развития самоуважения к себе если отец воспринимается как успешный человек. При этом чрезмерно близкие отношения с отцом, в которых у юноши формируется образ постоянно опекающего, во всём поддерживающего отца, отрицательно влияют на стремление к самоактуализации: такие отношения могут снизить познавательную активность сына, не дают почувствовать ответственность за свои действия и не способствуют развитию гибкости в поведении (Липпо, 2007).

Образ отца, являясь социально-перцептивным, может изучаться в различных вариантах: как образ реального отца и как образ идеального отца (Архиреева, 2020). Рассогласованность этих двух образов приводит к противоречивым представлениям о фигуре отца в целом и влияет на самоактуализацию взрослого человека (Липпо, 2007).

Образ идеального отца обусловлен не столько отношениями с реальным отцом, сколько стереотипами общества в данном культурно-историческом контексте. Образ идеального отца в нашей стране включает следующие качества: независимость, уверенность в себе, лидерская позиция, ответственность, забота о семье, настойчивость. Покорность, излишняя конформность, зависимость от мнения окружающих, самоуничижение, критичность к другим и подозрительность, напротив, считаются нежелательными для отца. (Посохова et al, 2008). В связи с социальными

изменениями и трансформацией семейных ролей образ идеального родителя тоже меняется, что нуждается в отдельном изучении (Архиреева, 2020).

Образ реального и идеального отца также изучала Липпо. Результаты её исследования показали, что у мужчин образы реального и идеального отца характеризуются большим взаимовлиянием, чем у женщин. Автор объясняет такой результат идентификацией мужчины со своим отцом: отец выступает в качестве идеального образца поведения и отношений с миром, а сын в результате идентификации стремится приобрести похожие качества, и на их основе формирует образ идеального отца, который сможет воплотить в будущем. Гармоничный образ отца, предлагаемый автором, заключается в согласованности образов идеального и реального родителя. Особенностью такого гармоничного образа является сочетание в себе амбивалентных характеристик: на одном полюсе находятся дружелюбие, забота и ответственность, а на втором – доминирование, независимость и агрессивность. При совпадении образов идеального и реального отца мужчина переносит своё уважение к отцу на человечество в целом и воспринимает человеческую природу в положительном ключе.

Другим весьма интересным результатом работы Липпо было то, что воспринимаемое сыновьями чрезмерное дружелюбие, излишняя поддержка в сочетании с успешностью отца связаны с высокой степенью внутренней конфликтности и частичностью, фрагментарностью восприятия собственной жизни, чувством неполноценности, с коммуникативными трудностями (низкой чувствительностью к чужим и своим эмоциям), а также с неспособностью руководствоваться собственными принципами и несамостоятельностью. Противоположными характеристиками (личностная целостность, низкий уровень внутриличностной конфликтности) обладают те мужчины, отец которых в их представлениях менее успешный, но оказывающий поддержку. Образ вездесущего, властного отца тоже подавляет проявления сына, что проявляется в неспособности спонтанно проявлять свои чувства и в невозможности вести себя непосредственно. Наиболее

благоприятной ситуацией является совпадение образов реального и идеального отца, а также сочетание в них противоположных характеристик – сочетание противоречивых качеств в образе отца способствует целостному восприятию мира, а также повышению уровня самоуважения мужчины (Там же). Сочетание противоположных характеристик созвучно тезису Гая Корно о том, что отцу необходимо проявлять различные качества и не стараться быть идеальным (Corneau, 1991).

Ситуацию расхождения образов идеального и реального отца в своем исследовании описывают Осинская и Кравцова. Они отметили, что у созависимых личностей из неполных семей это расхождение огромно: реальный образ отца характеризуется исключительно негативными проявлениями, а идеальный образ отца включает только позитивные качества. Авторы также обнаружили, что уровень созависимости больше зависит от образа отцовской фигуры, чем от образа материнской (Осинская, Кравцова, 2012).

Позитивный образ отца имеет большое значение для подростков в ситуации отсутствия отца – он благоприятно влияет на их эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность (Калина, Холмогорова, 2011). Отец, являясь фигурой, с которой себя идентифицирует сын, сосредотачивает в себе как определённые личностные характеристики, так и ценности. По мере взросления у ребёнка формируется образ отца, который включает в себя эти ценности и жизненные ориентации. Образ отца способствует становлению взрослого человека в личностной, полоролевой и родительской сферах. Психологическая готовность к отцовству также связана с образом отца (Левченко, 2007). Влияние отношений с отцом в детстве на эмоционального благополучие сохраняется на всю жизнь, причём особенное значение оно имеет для сыновей (Chen, Frank, 2021).

Итак, образ отца начинает формироваться с самого раннего детства, и при благополучном прохождении ряда трансформаций, приближается к объективной реальности. На формирование образа отца оказывает влияние не

только непосредственный опыт взаимодействия, отношения с ним, но и культуральные стереотипы об отце, отношения близких к отцу, проекции и фантазии ребёнка. Характер отцовских практик многие исследователи выделяют как наиболее значимый фактор формирования образа отца. Образ отца является важным конструктом, который оказывает влияние на полоролевою идентичность, стремление к самоактуализации, а согласованность образов реального и идеального отца может являться одним из факторов восприятия человеческой природы в целом в положительном ключе. Особенности образа отца связаны также с определёнными личностными качествами взрослого сына: внутриличностной конфликтностью, восприятием собственной жизни, коммуникативными навыками, эмоциональной чувствительностью, самостоятельностью, самоуважением, спонтанностью. Образ отца включает в себя ценностные ориентации и даёт сыну ориентиры в различных сферах жизни, в том числе в семейной.

1.1.3. Физическое и эмоциональное отсутствие отца

К сожалению, не все дети растут в полных семьях со здоровыми отношениями. Большая доля семей приходится на категорию неполных, в которых чаще всего отсутствует отец. Не редкостью является лишь фактическое, формальное присутствие отца в жизни ребёнка, либо деспотичное, агрессивное поведение со стороны отца. Вопрос о значении фактического присутствия отца для ребёнка поднимается гораздо чаще остальных при изучении темы отцовства. В исследованиях традиционно сравнивают группы людей из полных и из неполных семей. Однако при таком подходе многое упускается из виду: был ли кто-то, кто заменил отца в воспитательных функциях, какой сформирован образ отца, по какой причине отца нет (Clowes et al, 2013). На наш взгляд необходимо изучать всё многообразие сценариев: и фактическое, и «эмоциональное» отсутствие отца, и специфику образа отца при фактическом отсутствии, и личностные

характеристики присутствующего в жизни ребёнка отца, и ситуацию замещения биологического отца другой мужской фигурой, а также причины отсутствия отца.

Ситуацию, когда ребёнок растёт в полной семье, обычно считают самой благоприятной для ребёнка. Действительно, многие исследователи отмечают важность примеров разного ролевого поведения (мужского и женского) для процессов сепарации и индивидуации, разрешения эдипального конфликта, развития определённых способностей и нормального формирования полоролевой идентичности ребёнка (East et al, 2006; Hoffman, 2011; McLanahan et al, 2013). Однако практически в каждом случае исследователи делают оговорку о том, как именно должны вести себя родители, чтоб всё прошло благоприятно, а как – не должны. Идеальные примеры, при которых в семье гармоничные отношения, ребёнку уделяется достаточное количество времени обоими родителями, и он получает необходимое количество любви и поддержки мамы и папы, безусловно встречаются. Но также часто можно услышать о негативных проявлениях родительского поведения, в частности – отцовского.

В психоаналитической литературе наряду с термином «мёртвая мать» существует аналогичный для отцовской фигуры – «мёртвый отец», однако трактуется он по-разному. В литературе также встречается термин «отсутствующий отец», который является синонимичным и также рассматривается в двух значениях (Гулина, 2018). Первая трактовка совпадает с определением понятия «мёртвая мать»: смысл понятия заключается в недостатке у матери альтруизма, щедрости, заботы, из-за чего она не способна отказаться от своих собственных интересов в пользу ребёнка (Green, 1992). По аналогии с этим определением мёртвый отец – это тот отец, который не может проявлять заботу и выполнять свои родительские функции из-за внутренней поглощённости самим собой. Другая трактовка заключается в том, что отец ведёт себя неприемлемо: является врагом для своих детей, преследуя, наказывая, подавляя их попытки самоутвердиться, проявить себя, свои

способности, таланты, либо является эмоционально нестабильным и держит детей в состоянии небезопасности (Corneau, 1991; Kalinich, Taylor, 2009).

Стивенс Э. выделил характеристики неадекватного родительства из опыта своей психотерапевтической практики. Психологические травмы, связанные с отношениями его клиентов с родителями, он разделил на пять групп.

1. Продолжительное отсутствие родителя по какой-либо причине;
2. Невосприимчивость родителя к потребности ребёнка в любви и привязанности;
3. Родительские угрозы отказа от ребёнка, которые использовались для принуждения или дисциплинарного воздействия на ребёнка;
4. Навязывание чувства вины ребёнку за недуг кого-то из близких;
5. Требование родителем любви и заботы от ребёнка (Stevens, 2015).

В своей книге «Отсутствующий отец. Потерянный сын» Корно Г. на основе классификации Стивенса выделил признаки неадекватного отцовства и добавил ещё два: рукоприкладство в отношении детей и навязывание чувства вины за всё плохое в семье (Corneau, 1991). Подобное поведение отца по отношению к сыну может являться причиной неуверенности в себе, робости, трудностей адаптации, склонности к тревоге, депрессии, навязчивых идей и фобий. Сын остаётся незрелым, чрезмерно зависимым, эмоционально бедным, не умеющим управлять своими эмоциями, подавляющим гнев. Однако потребность во внимании никуда не исчезает и, сочетаясь с протестным поведением, может принимать причудливые и даже опасные формы: притворные болезни, манипуляции, побеги из дома и попытки самоубийства (Там же).

Корно ввёл также понятие «потерянный сын»: этот термин используется им для того, чтобы подчеркнуть отсутствие эмоциональных связей между отцом и сыном: отец потерян для сына, и сын находится в постоянном бессознательном поиске отца. Автор раскрывает психологическую суть этой «потери»: отсутствие внимания со стороны отца приводит к неспособности

сына идентифицировать себя с отцом, либо при негативном образе отца (слабый, постоянно пьяный, агрессивный) сын может находить его настолько отвратительным, что будет стараться всеми способами не быть на него похожим (Там же). Отвращение к фигуре отца может быть настолько сильным, что мальчик не захочет в принципе идентифицироваться с мужским началом. По данным многих исследований у мужчин гомосексуальной ориентации были отстранённые отношения с отцом, отец был равнодушным, отвергающим и враждебным (Калина, 2008).

Актуальной проблемой является проблема неполных семей. Многие семьи в нашей стране являются неполными, причём чаще всего отсутствует именно отец. Ситуацию отсутствия в семье отца в контексте развития и взросления ребёнка исследователи оценивают по-разному: одни отмечают, что отсутствие общения с отцом может привести к нарушениям половой идентификации, поведенческим проблемам (в том числе к подростковой преступности) другие говорят, что это не является препятствием для нормального развития само по себе (Lamb, Lewis, 2004; Акиньшина, 2011; Clowes et al, 2013; Flouri et al, 2015; Markowitz, Ryan, 2016; Фигдор, 2021). По некоторым данным отсутствие отца имеет негативное влияние на полоролевое развитие мальчиков: в неполных семьях традиционно мужские качества формировались у мальчиков медленнее, они проявляли меньше агрессии и были более зависимыми (Акиньшина, 2011; Nilsen, Sagatun, 2015). Фигдор Г. отмечал, что при отсутствии отцовской фигуры у ребёнка развивается искажённый образ отца, который может быть как сверхидеализированным, так и сверхдеидеализированным, что может нарушить половую идентификацию ребёнка. Образ отца становится внутренним объектом и отрицательно влияет на представления о самом себе (Фигдор, 2021). Гулина раскрывает понятие «голода по отцу», которое заключается в эмоциональном состоянии агрессивной дезорганизации, присущей детям, у которых нет отца, и может проявляться в нарушениях сна, кошмарах, а также в сверхидентификации с отцовской фигурой (Гулина, 2018). Однако есть данные, которые утверждают,

что, несмотря на отсутствие отца, многие юноши не имеют проблем с развитием полоролевой идентичности (Lamb., Lewis, 2004).

С другой стороны, отсутствие отца автоматически означает усиление влияния матери (Борисенко, 2018). Мнения о том, насколько это может быть пагубно для ребёнка здесь тоже расходятся: одни исследователи считают, что несмотря на различия в функциях матери и отца, они могут быть реализованы одним человеком; другие же говорят о трудностях в проявлении агрессии при отсутствии значимой мужской фигуры (Etchegoyen, 2002; Blundell, 2002).

Влияние факта наличия или отсутствия отца в семье изучалось и отечественными исследователями (Калина, 2008; Архиреева, 2015; Борисенко, 2018). В исследовании Калины было обнаружено, что действие фактора наличия отца зависит от сформированного у подростка образа отца: маскулинность подростков из полной семьи с амбивалентным образом отца была выше, чем у подростков с таким же образом отца из неполной семьи. При этом маскулинность не зависит от факта наличия или отсутствия отца, если у подростка сформирован позитивный образ отцовской фигуры. Однако в случае негативной окраски отцовского образа маскулинность оказывается меньше у тех подростков, которые живут без отцов. При эмоциональной нейтральности отцовского образа факт наличия или отсутствия отца также является значимым: фактическое присутствие отца при его пассивной, невовлечённой, незаинтересованной позиции по отношению к сыну может привести к развитию гипермаскулинной полоролевой идентичности. Если отец не живет с семьёй и его образ недифференцирован, можно говорить об отсутствии внутреннего отца и вероятности развития феминной полоролевой идентичности (Калина, 2008).

Несовпадение результатов и выводов о роли отсутствия биологического отца для развития ребёнка можно объяснить тем, что несмотря на отсутствие отца, у ребёнка есть его образ, обладающий теми или иными характеристиками. Психологически отцовская фигура всегда присутствует в семье в качестве «внутреннего объекта», в символическом образе и в семейном

мифе (Борисенко, 2018). Этот образ может быть, как уже говорилось выше, идеализированным или негативным, а в случае доступности информации, может быть, как можно больше приближён к объективной действительности. От того, каким является образ отсутствующего отца, зависит эмоциональное благополучие ребёнка (Калина, Холмогорова, 2007). Идею о влиянии образа подтверждают наблюдения Корно и Фигдора: дети, чьи отцы умерли, испытывают меньше трудностей в адаптации и имеют более позитивные представления о своих отцах, чем те дети, у которых отцы отсутствуют по другим причинам (Corneau, 1991; Фигдор, 2021). Это объясняется тем, что вдовы часто положительно вспоминают своих мужей, что помогает детям сформировать положительный символический образ отца, который частично компенсирует его отсутствие (Corneau, 1991). В ситуации развода часто имеют место взаимные обвинения родителей, манипуляции и попытки привлечь ребёнка на свою сторону, что в случае сформированной идентификации с ушедшим родителем может привести к снижению самооценки ребёнка. Отрицательный образ отца может быть данностью, если отец ушел из семьи в раннем возрасте или исчез до рождения ребёнка: часто в таком случае о нём либо не говорят, либо дают негативные описания (Фигдор, 2021). Тем не менее ребёнку необходимо сформировать адекватный образ обоих родителей, а для мальчика крайне важно иметь опору для идентификации – в целом положительный образ отца (Corneau, 1991; Hoffman, 2013).

Отсутствие биологического отца не всегда означает отсутствие значимой мужской фигуры в жизни ребёнка в принципе. Эту роль могут играть отчим, дедушка, дядя и другие близкие. В эдипальный период родного отца в роли Третьего может заменить другая значимая мужская фигура (Гулина, 2018). Данные исследований показывают, что молодые люди обоих полов, выросшие без родного отца, имеют высокую степень идентификации с отчимом и матерью, в то время как идентификация с биологическим отцом имеет низкую выраженность (Калина, 2008).

Таким образом, можно констатировать, что одного только формального присутствия отца в семье недостаточно для нормального психического и личностного развития ребёнка: отец должен быть вовлечённым и эмоционально доступным. При этом и физическое отсутствие отца не всегда связано с какими-либо психологическими трудностями для ребёнка, поскольку большую роль в вопросе их возникновения играет специфика образа отца: в том случае, когда образ отца является позитивным, у ребёнка может не возникнуть никаких проблем с полоролевой идентичностью. Кроме того, родного отца может заменять другая значимая мужская фигура, и тогда мальчик сможет идентифицироваться с ней.

1.1.4. Современные исследования значения роли отца в развитии ребёнка

В настоящее время психология находится на этапе накопления данных в области изучения отцовства, значения и роли отца в развитии ребёнка и влияния детско-отцовских отношений на личность человека в долгосрочной перспективе. Ролевая модель фигуры отца расширяется и больше не сводится к контролю и дисциплине, что отражает объективную реальность настоящего времени.

Больше всего современных исследований, так или иначе относящихся к теме отцовства, посвящены ранним отношениям отца и ребёнка. Остановимся на них подробнее.

На современном этапе развития науки считается, что качество взаимоотношений между родителем и младенцем является важным фактором, влияющим на дальнейшее развитие ребёнка. Современные исследователи всё чаще отмечают, что родительская теплота, забота и близость как матери, так и отца благоприятно воздействуют на развитие ребёнка. При формировании привязанности между родителями и детьми такие характеристики как теплота, забота и близость, считаются более значимыми, чем пол родителей (Lamb, Tamis-Lemonda, 2004). Во многих исследованиях были сделаны выводы о

важной роли отцовской привязанности, эмоциональной доступности и некоторых других аспектов отношения отца к ребёнку и, наоборот, о роли привязанности ребёнка к отцу. По данным исследований участие отца во взаимодействиях с ребёнком связано с когнитивным (Sethna et al., 2017), моторным (Chiang et al., 2015), речевым (Quach et al., 2018), эмоциональным развитием (Cabrera et al., 2017), а также с социальной адаптацией ребёнка (Kroll et al., 2016). Одно из исследований показало, что у детей, у которых была сформирована небезопасная привязанность с обоими родителями в младенческом возрасте, риск поведенческих проблем в возрасте от 3 до 7 лет выше, чем у тех детей, у которых безопасная привязанность сформировалась лишь к одному родителю (Kochanska, Kim, 2013).

В исследовании Metz (2018) изучалось влияние отношений между родителями и младенцем, который часто испытывает отрицательные эмоции, и последующего развития тревожности через два года. Было выделено три группы родителей: оба проявляют поддержку и тепло по отношению к ребёнку; поддерживающая мать и нейтральный отец, и, наоборот, нейтральная мать и поддерживающий отец. Было обнаружено, что связь тревожных симптомов в раннем детстве и младенческой отрицательной аффективностью была слабее тогда, когда поддерживающим был отец, а нейтральной – мать, и, наоборот, эта связь была сильнее при нейтральном отношении отца и поддерживающем отношении матери (Metz et al, 2018). Это может быть связано с тем, что матерям трудно делить уход за детьми с партнёром, они доминируют и препятствует совместным усилиям в семейной работе (Mendez et al, 2015). Данный результат также говорит о важной роли отца в общении с ребёнком, когда существуют какие-либо препятствия для формирования безопасной привязанности с матерью.

Отцовская роль важна не только тогда, когда ребёнку может не хватать материнской заботы. Чем меньше отцы взаимодействуют со своими детьми в возрасте от 1 месяца до 2 лет, тем выше риски задержек в развитии, даже при условии отсутствия депрессии у матери (Huang et al, 2020). Это значит, что

несмотря на заботу со стороны матери, отцовская вовлечённость важна для снижения рисков задержки в развитии. Также известно, что связь отцовской вовлечённости со снижением рисков задержек в развитии ниже, если мать испытывает депрессивные симптомы, что объясняется доминирующей ролью матери в уходе за ребёнком (Murdock et al., 2018, Huang et al, 2020).

Вовлечённость отцов в общение с младенцами, поддержка и поощрение (а не прерывание) действий ребёнка важны для уменьшения риска развития поведенческих проблем в раннем детском возрасте. В исследовании Ramchandani (2013) было обнаружено, что такие характеристики взаимодействий отца с 3-х месячным ребёнком как малая вовлечённость, отстранённость и прерывающее и противоречащее желанием ребёнка поведение позволяют прогнозировать внешние поведенческие проблемы в возрасте 1 года. У детей наиболее отстраненных отцов был повышенный риск развития таких симптомов как недостаток самоконтроля, вербальная и физическая агрессия (Ramchandani et al, 2013). Эти данные подтвердились и в более позднем исследовании: эмоциональная доступность отца была связана с меньшим риском развития поведенческих проблем, относящихся к недостатку самоконтроля. Кроме того, эмоциональная доступность матери в том же исследовании была больше связана со снижением риска развития симптомов тревоги. Эти данные указывают на разницу в эффектах, относящихся к адаптации, от взаимодействия матери и отца с младенцем (Van Prooijena et al, 2018).

Поведение родителя, которое характеризуется вербальным или физическим прерыванием действий ребёнка, является противоположным вовлекающей в разного рода взаимодействия и игры стратегией общения с младенцем. Считается, что такая стратегия поведения родителей способствует снижению тревоги у младенца и, как следствие, снижает риск развития тревожных симптомов в дальнейшем. По данным исследования Majdandžić (2018) связь такого поведения со снижением тревоги у младенцев сильнее для отцов по сравнению с матерями (Majdandžić et al, 2018). Восприимчивость

отца к ребёнку во время взаимодействия в конце первого года связана с общим когнитивным развитием ребёнка в 18 месяцев и речевым в 36 месяцев. Это говорит о том, что при недостатке восприимчивости у матери, отец может нивелировать отрицательный эффект (Malmberg et al, 2018).

В одном из исследований учёные подчеркнули особое влияние отцов с послеродовой депрессией на сыновей: у сыновей отцов, которые страдали депрессией через 6 недель после родов, к 3,5 годам было значительно больше проблем с поведением и гиперактивностью, чем у сыновей с отцами без депрессии (Ramchandani et al, 2005).

Влияние отца на психическое развитие личности ребёнка продолжается всё время взросления, и выражается всё в более сложных внутриспсихических процессах, включая формирование личностно-смысловой сферы. В период раннего юношеского возраста происходит оформление психологической системы ценностей личности (Выготский, 2005), предпосылки для формирования которой можно отметить в период дошкольного возраста (Кедярова, 2013). Качество взаимоотношений отца с сыном может быть связано с самооценкой, со степенью контроля агрессии, с настойчивостью, ответственностью, с навыками, связанными с производительностью, с отношением к работе (Коряков, 2002). Наряду с матерью отец, как один из самых значимых и влиятельных людей для ребёнка, становится ориентиром для построения системы ценностей подростка, и во многом от этого зависит отношение к родительству, в частности к отцовству (Борисенко, 2018).

В подростковом возрасте дети также нуждаются в любви, признании, интересе и доверии, и особенно – в уважении и поощрении автономности со стороны обоих родителей (Lamb M., Lewis C., 2004). Отец играет большую роль в гармоничном поведенческом и эмоциональном развитии сына-подростка (Pitsoane, Gasa, 2018). Специфика отцовского отношения к подростку, выражаемая в том числе в вовлечённости или невовлечённости в жизнь ребёнка, может определять представления об отцовстве и отношение к нему у подростка (Борисенко, 2018).

Резюмируя, отметим, что активное и регулярное взаимодействие отцов с детьми самого раннего возраста положительно влияет на социальное, поведенческое, психическое и когнитивное развитие детей, причём значимость взаимоотношений с отцом со временем не снижается, поскольку они начинают выражаться всё в более сложных внутриспсихических процессах, и влияют на формирование личности ребёнка, его ценностно-смысловой сферы, в том числе на отношение к родительству.

1.2. Отцовство как часть личностной сферы мужчины.

1.2.1. Отцовство как фактор личностного развития

Родительство и отцовство – два схожих термина, соотношение которых в данной работе следует определить. Родительство можно рассматривать с двух позиций: на индивидуальном уровне, то есть выходящим за рамки отдельного индивида, и на субъективно-личностном уровне (Овчарова, 2005). Второе значение родительства приближено по значению к понятиям «материнство» и «отцовство», поэтому в данной работе термины «родительство» и «отцовство», а также «родительская роль» и «отцовства роль», понимаются как синонимы.

Отцовство можно рассматривать как часть личностной сферы или этап личностного развития мужчины (Архиреева, 2015). В рамках такого подхода рассматриваются такие его аспекты как самореализация личности в роли родителя, чувства и образы, связанные с родительской ролью, ценностные ориентации, смыслы.

Так, отцовство – это категория, относящаяся к психологии личности и отражающая основные этапы её развития, включающая в себя комплекс интегральных, социальных и индивидуальных свойств личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека (Борисенко, 2007). Другой подход делает акцент на содержательно-нравственном аспекте взаимоотношений отца и ребёнка и выделяет в отцовстве как обязательные

такие категории как участие, постоянство, осведомлённость и забота (Левченко, 2009).

Многие авторы считают, что рождение ребёнка и опыт взаимоотношений с ним запускают новый этап самореализации мужчины (Palkovitz et al, 2001; Кон, 2009, Борисенко, 2013). Некоторые авторы (Кон И. С., Акивис Д. С.) оценивают родительство как необходимый этап для целостной самореализации (Боязитова, 2011). Отцовство – многогранный феномен, который включает в себя такие характеристики личности, как влечения, потребности, установки, желания, ценности, мировоззрение, реальный и идеальный образ Я. Отцовство поднимает перед мужчиной вопросы развития личности, принятия своих эмоций и самоконтроля (Борисенко, 2007). Немецкие учёные пришли к выводу, что вовлечённое отцовство влияет на удовлетворённость жизнью мужчины, самооценку, уверенность в себе и его мировоззрение: более вовлечённые во взаимодействие с ребёнком отцы имеют менее ригидные представления о мужской роли и больше идентифицировали себя со своим отцом. Убеждения, установки, восприятие себя и других также меняются после становления отцом: ценность человеческой жизни повышается, важным становится благополучие ребёнка, его развитие, а также время, проведённое с ним. Большинство исследователей сходятся во мнении, что положительные личностные и мировоззренческие изменения могут произойти только в случае принятия роли отца. В противном случае может наступить ролевой конфликт, связанный с установками о несовместимости родительства и карьеры, отцовства и свободы, ролью ребёнка своих родителей и ролью отца для другого человека. Выход из этих конфликтов возможен при активизации работы самосознания, в результате чего наступает личностная зрелость: мужчина встраивает роль отца в свою Я-концепцию, придаёт какое-либо значение этой роли, наделяет её определёнными функциями (Борисенко, Портнова, 2006).

Психоаналитики отмечают, что неразрешённые детские психологические проблемы, конфликты могут актуализироваться в новой роли отца и могут быть перенесены в собственную семью (Левченко, 2008). Роль отца может рассматриваться как предмет зависти, желания в результате соперничества с собственным отцом в детстве, и с этой точки зрения достижение этой роли может вызывать чувство триумфа, либо новая роль отца может включать в себя такие бессознательные механизмы, как ревность к ребёнку, и вызывать негативные проявления в виде соперничества, агрессии к ребёнку, страха отвержения со стороны супруги и обратной стороны эдипового комплекса - страха избавления от него сыном (Коряков, 2002). Разрешение детских конфликтов и снижение риска переноса их в собственную семью возможно за счёт работы самосознания и достижения личностной зрелости.

Таким образом вступление в роль отца открывает перед мужчиной новые возможности для личностного развития, при этом наилучшим условием для этого развития является достижение высокого уровня личностной зрелости ещё до принятия решения стать отцом. От уровня личностной зрелости зависит готовность стать отцом и степень принятия роли отца, что в конечном счёте формирует родительскую позицию по отношению к ребёнку.

1.2.2. Принятие роли отца

Нет универсального ответа на вопрос о том, когда мужчина становится отцом. Он может вступить в эту роль формально, но не ощущать себя отцом, не принимать этой роли, не видеть себя в ней. Мужчина может встретиться с ощущением того, что он стал отцом, во время беременности его женщины, сразу после новости о рождении ребёнка, после фактического знакомства с ребёнком или спустя какое-то время. Период перехода к семейной жизни, подготовки к родительству являются кризисным этапом, а само родительство многие исследователи рассматривают как новую фазу развития (Коряков, 2002; Олифинович, 2006). Меняются роли, задачи, приоритеты, ориентация в

будущем, возникают вопросы, связанные с предоставлением эмоционального пространства для третьей личности, что может оказаться трудной задачей для семьи (Коряков, 2002). Принятие родительской роли происходит через её переход во внутреннюю позицию родителя, интернализацию (Захарова, 2010).

Ряд исследователей говорят об этапах принятия родительской роли, преимущественно материнской, однако их можно рассматривать и для отцовской. Выделяются следующие этапы принятия родительской роли:

1. представление о родительстве, основанное на стереотипах;
2. переосмысление стереотипов в течение периода ожидания ребёнка;
3. формирование родительской роли после рождения ребёнка (Борисенко, 2007).

Также исследователями выделяются факторы принятия роли отца, среди которых наиболее часто можно увидеть следующие: уважение и привязанность к мужчине со стороны его супруги, матери ребёнка; специфика отношений в родительской семье и особенно – с отцом; возраст мужчины – раннее отцовство часто связано с легкомысленным отношением, страхами ответственности и потери свободы; участие отца во взаимодействии с ребёнком во время беременности и с самого раннего возраста (поскольку мужчине гораздо сложнее почувствовать контакт с ребёнком раньше его рождения и воспринимать его как продолжение себя); участие отца в родах. Кроме того, отцовская роль часто воспринимается слишком узко – как замещающая функция, причём такое представление поддерживается и самими женщинами, что в результате приводит к отстранению мужчины от заботы о ребёнке, что также может негативно сказываться на принятии роли отца мужчиной (Там же). Принятие роли отца и её интернализация имеют чрезвычайную важность, поскольку они связаны с реализацией родительских функций, вовлечённости отца во взаимодействие с ребёнком (Борисенко, 2018).

Сложности принятия роли отца связаны с психологической готовностью мужчины к родительству. Психологическая готовность к отцовству начинает формироваться намного раньше, чем партнёры узнают о беременности. Существуют данные о том, что её формирование происходит на основе отношений с собственным отцом мужчины в детстве (Левченко, 2008). Отец демонстрирует своему сыну образец мужского поведения в целом, и отцовского – в частности, а также оказывает влияние на ценностно-смысловую сферу ребёнка. Образ отца может стать основой для формирования собственного отношения к отцовству и стиля родительства у взрослого мужчины: в том случае, если образ положительный, мужчина стремится стать таким, как его отец; при сформированном отрицательном образе отца мужчина, напротив, будет избегать похожих паттернов и свою отцовскую роль выстраивать от идеального образа отца – антагониста реальному (Левченко, 2008). Показателем готовности к отцовству Левченко называет умение ответить на вопросы: насколько мужчина готов к отцовству, что он может дать своему ребёнку, несмотря на все тяготы супружеской жизни, чем он готов пожертвовать (Левченко, 2008, с. 94).

Вхождение в новую роль родителя, являясь переходным периодом развития личности, связано с адаптацией и изменением в мотивационной сфере личности и системе ценностных ориентаций. В ряды родителей люди вступают с разной мотивацией. Существуют гендерные различия в мотивационной сфере родительства: частым мотивом отцовства признаётся мотив самоизменения, а материнства – мотивы развития отношений с женщиной и, более общий, смыслообразующий, при котором ребёнок представляется как смысл жизни (Архиреева, 2015). Также стремление к отцовству можно рассматривать в психодинамическом ключе: с этой позиции мужчина может иметь осознаваемые и неосознаваемые мотивы. Среди них можно выделить следующие: желание иметь продолжение себя в будущем; демонстрация мужественности, зрелости; нарциссическая поддержка отца, выражающаяся в восхищении ребёнком; потребность выражать качества,

считающиеся женскими, выражая раннюю идентификацию с матерью (Коряков, 2002).

Большое значение на этом этапе имеют ценностные ориентации человека, которые регулируют поведение человека, побуждая его к определённым действиям, отношению, являются основой для выбора жизненного направления (Дмитриева, 2014). Существуют данные о том, что ценностные ориентации в целом связаны с родительскими установками мужчин (Овсянникова, 2016), а также о том, что на ценностное отношение к ребёнку влияет семейная система (Кедярова, 2013). Ценность отцовства для конкретного мужчины скорее связана с личностным принятием роли отца, чем с его общепринятой общественной ценностью. Отношение к отцовству как к ценности определяет операциональную сторону отцовства, выражающуюся в поведении, действиях и влияющую непосредственно на ребёнка (Fagan, Lee, 2012; Борисенко, 2018).

Непринятие родительской роли приводит к ситуации, в которой родитель чувствует, что должен подстраиваться под потребности, жизненные ритмы ребёнка в ущерб своим собственным желаниям, что вызывает негативное отношение к родительству, и может отрицательно сказываться на отношении к ребёнку (Борисенко, 2013).

Итак, принятие роли отца не происходит автоматически при рождении ребёнка: успех этого процесса зависит от множества факторов, среди которых выделяют отношения с супругой, возраст мужчины, эмоциональное отношение к ребёнку во время беременности, ценностная сфера, мотивация становления родителем, личностная зрелость, а также отношения в собственной семье, особенно – пример собственного отца. Принятие роли отца происходит через интернализацию, а результат этого процесса выражается в дальнейшем построении родительской позиции, в собственно реализации родительских функций.

1.2.3. Формирование родительской позиции

Наряду с принятием роли отца используется понятие «становление отцовской роли», которое включает в себя характер родительских (отцовских) практик. Становление отцовства означает формирование определённой родительской позиции, которая включает в себя родительские (отцовские) установки и стили семейного воспитания. Родительская позиция – это реальная направленность, основу которой составляет осознаваемая и неосознаваемая оценка ребёнка, которая выражается в формах и способах взаимодействия с детьми (Борисенко, 2007). Наряду с ценностными ориентациями, родительскими установками и ожиданиями, отношениями, чувствами, ответственностью и стилем семейного воспитания, родительская позиция (в данном случае отцовская) входит в структуру родительства как интегрального образования личности. Каждый из компонентов родительства можно рассматривать с трёх сторон: с когнитивной, эмоциональной и поведенческой. Так, когнитивный компонент отцовской позиции заключается в представлениях о реальном и идеальном образе ребёнка, о существующих позициях родителя, о своей собственной родительской позиции; эмоциональный аспект содержит доминирующий эмоциональный фон, суждения и оценки относительно реального образа ребёнка, своих отцовских позиций и взаимодействия с ребёнком; поведенческая составляющая включает коммуникативные позиции отца, прогнозы о дальнейшем взаимодействии с ребёнком. Родительская позиция отца выражается в типе воспитания – в характере взаимодействия с ребёнком и в способах воздействия на него и обращения с ним (Там же).

Брагина Т. В. выделяет две линии родительских позиций, и как доминирующий аспект определяет эмоциональное отношение родителя к ребёнку. В первой линии как наиболее адекватный вариант родительской позиции выделяется эмоционально уравновешенное отношение к детям, а как крайние и, вместе с тем, противоположные друг другу позиции чрезмерной эмоциональной дистанции и излишней концентрации внимания на детях. Во

второй линии в качестве оптимальной выступает позиция независимого руководства родителей, а в качестве крайних и неблагоприятных – доминирования и излишней уступчивости по отношению к детям (Овчарова, 2003).

Вопрос о детерминантах формирования родительства в общем и родительской позиции в частности ещё не решён (Там же). Исследователи выделяют множество факторов формирования родительства, однако, всё ещё нет консенсуса о системе детерминант. В основном считается, что ведущую роль в становлении отцовства играет социальный фактор. На основе этой позиции выделяются следующие детерминанты становления отцовской роли: тип семьи; религия, верования, мифы; экономические условия; стереотипы об отцовстве и материнстве; отношения мужчины с собственными родителями, с супругой и с ребёнком; личность ребёнка, его пол, возраст, особенности поведения и развития (Архиреева, 2015). Существует также классификация детерминант становления роли отца: факторы, связанные с отношениями с супругой; факторы, связанные с влиянием матери ребёнка на становление мужчины в отцовской роли; факторы, связанные со средой, окружением; факторы, связанные с личностью ребёнка, полом, возрастом, поведением (Там же). Ещё одна классификация была предложена зарубежным исследователем Парком Д. Р., который рассматривал становление отцовства в связи со степенью участия в воспитании ребёнка:

- Индивидуальные факторы: мотивация, отношения, убеждения мужчины; взаимоотношения с родительской семьёй; возраст фактического становления отцом; пол ребёнка;
- Фактор семьи: взаимоотношения матери и ребёнка и взаимоотношения отца и ребёнка; супружеские взаимоотношения; триадные взаимоотношения;
- Внесемейные факторы: отношения с родственниками; отношения с соседями; отношения с друзьями;

- Общественные или формальные факторы: отношения с коллегами; система здравоохранения;
- Культурные факторы: культура, специфика детства в данном обществе; отношение к родительским ролям; общественные семейные ценности.

Овчарова выделяет несколько уровней детерминант: макросистема (уровень влияния общества), мезосистема (уровень влияния родительской семьи), микросистема (уровень собственной семьи) и уровень индивидуальности (внутриличностные влияния). Общество является носителем социальных ценностей, норм, стереотипов о родительстве, задавая определённый образец родительского поведения. Однако общественное влияние преломляется через более сильные факторы – влияние супруга, личностные особенности и влияние родительской семьи. Родительская семья, являясь наиболее ярким и доступным образцом родительского поведения, может служить как примером для подражания, так и анти-примером, сходства с которым выросший ребёнок будет всеми силами избегать (Левченко, 2008; Herland et al, 2015). Зачастую повторение родительских сценариев поведения в собственной семье является неосознанным (Дымнова, 1996). Механизмы формирования родительских позиций на основе опыта жизни в родительской семье имеют разные объяснения у исследователей. Самые распространённые гипотезы следующие: родитель воспроизводит те способы воспитания, которые его родители применяли по отношению к его сиблингам; родитель принимает ту позицию, которую его родители демонстрировали по отношению к нему самому. Кон считает, что преемственность поколений ограничена, селективна: не все ценности, знания, установки будут приняты или трансформированы в собственной семье. Родительское влияние, также, как влияние общества будет воспринято только в сочетании с совместными представлениями, ценностями собственной семьи и отношениями внутри неё, а также внутриличностными особенностями. Родительское влияние может

быть скорректировано осознанием воздействия родителей и его результата, последствий.

Архиреева Т. В. определяет следующие факторы, формирующие ту или иную родительскую позицию: гиперопека - отсутствие опеки; отсутствие демократичности во взаимоотношениях с ребёнком — демократичность; диктат в воспитании — отказ от авторитарности (Архиреева, 2015).

В качестве типичных неблагоприятных установок исследователи выделяют: попустительско-снисходительную; демонстративную; педантично-подозрительную; жестко-авторитарную; увещательную; отстранённую; равнодушную; потокающую; непоследовательную; директивную; враждебную (Там же).

Родительские позиции также попадают под влияние различных факторов в зависимости от количества детей: в семьях с одним ребёнком преимущественное влияние оказывают факторы, определяющие акцент на ребёнке (растворение в ребёнке или безучастие; самореализация в родителе или предпочтение внесемейной активности). Эти факторы определяют стиль семейного взаимодействия, кроме того, они связаны с влиянием родительской семьи. В семьях с двумя детьми специфические факторы связаны с родительским опытом и желанием стимулировать развитие ребёнка (Овчарова, 2006).

Большое значение, безусловно, имеют индивидуальные внутриличностные качества родителя. Недостаток восприимчивости, активности, эмоциональной доступности, привязанности к ребёнку может быть связан с личностными особенностями отца, а также с его осведомленностью о том, как справляться с родительскими обязанностями (Wee et al, 2011; Condon et al, 2013). Многие исследователи говорят о том, что в основе семейной дезорганизации лежат какие-либо личностные проблемы родителей, которые выражаются в неосознанном выборе тех стратегий взаимодействия с ребёнком, которые удовлетворяют потребности родителей (Овчарова, 2006; Тайсон, Тайсон, 2013). Это приводит к низкой

чувствительности к потребностям ребёнка, к низкому качеству эмоциональной связи с ним.

Таким образом, сформированная родительская позиция, являясь реальной направленностью по отношению к ребёнку, выражается в конкретном поведении по отношению к нему, специфика которого индивидуальна и зависит от множества факторов – общественно-социальных, семейных (влияние родительской семьи и собственной), внутриличностных. Исследователи расставляют разные акценты в своих классификациях детерминант становления родительства, однако можно заметить, что во всех случаях выделяется фактор отношений с родителями, и иногда отдельно отмечается значение взаимоотношений мужчины с собственным отцом в контексте формирования его отцовской позиции. Зрелая родительская позиция приводит к реализации тех стратегий взаимодействия с ребёнком, которые основаны на оптимальной дистанции с ребёнком, признании его потребностей, укреплении эмоциональных связей, что, в конечном счёте имеет большое значение для гармоничного психического и личностного развития ребёнка.

ГЛАВА 2. Эмпирическая база исследования

2.1. Процедура исследования

Целью данной работы является выявление специфики первого опыта отцовства в связи с отношениями мужчины с собственным отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве.

Разработка методического инструментария продолжалась с ноября 2020 года по февраль 2021 года. Набор участников и формирование выборки проходили в течение всего 2021 года. Изначально предполагалось проведение сбора данных в очном формате, но продолжающаяся пандемия коронавируса, а также особенности группы подходящих участников сделало такой формат крайне малоэффективным. Инструментарий исследования был представлен участникам с помощью платформы Google forms, что оказалось оптимальным в сложных условиях.

Каждый из участников ознакомился с информированным согласием на участие в исследовании, без чего технически невозможно было бы начать прохождение методик (Приложение 1). Каждый респондент заполнял анкету с социодемографическими вопросами, а также с вопросами, направленными на отношения с отцом в детстве и в настоящее время. Затем участникам предлагалось пройти ряд методик, часть которых является ретроспективными, направленными на изучение отношений с собственным отцом в детстве, часть относится к отношениям «родитель-ребёнок», к изучению принятия отцовской роли и идеального образа отца. Помимо этого, одна методика направлена на изучения отношения к супруге, матери ребёнка.

2.2. Описание выборки

В выборку исследования вошли 50 мужчин в возрасте от 20 до 52 лет. Средний возраст участников – 29 лет. Участники привлекались различными способами: с помощью объявлений в центрах для молодых семей, распространения листовок с информацией об исследовании и посредством

различных социальных сетей. Все респонденты являлись отцами впервые, а также возраст их ребёнка не превышал трёх лет.

Критериями включения в исследование являлись:

1. Возраст ребёнка – до трёх лет (36 месяцев)
2. Первый опыт отцовства
3. Свободное владение русским языком

Все мужчины имели высшее образование или были в процессе его получения, а также имели работу.

Среди участников четверо (8%) отметили, что не имели значимой мужской фигуры в детстве, остальные 46 человек (92%) отметили, что имели значимую мужскую фигуру в детстве. Среди этих 46-ти мужчин большая часть определила как значимую мужскую фигуру родного отца: 43 человека, что составило 86% от всей выборки, а отчима – 3 человека, то есть 6% от всей выборки (Рисунок 1).

Рисунок 1. Значимая мужская фигура

По полу детей отцы распределились следующим образом: 23 отца девочек и 27 отцов мальчиков (Рисунок 2).

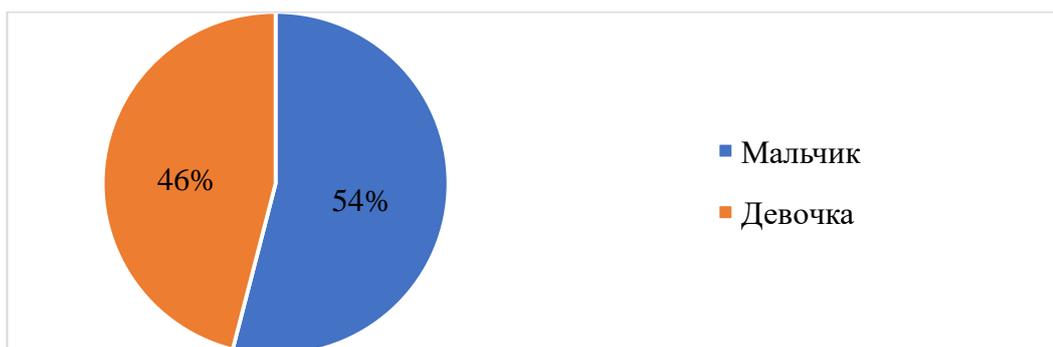

Рисунок 2. Пол ребёнка

Возраст ребёнка от 1 месяца до 36 месяцев, средний возраст ребёнка – 12,5 месяцев. На рисунке 3 представлена диаграмма, иллюстрирующая возраст детей и количество детей разного возраста.

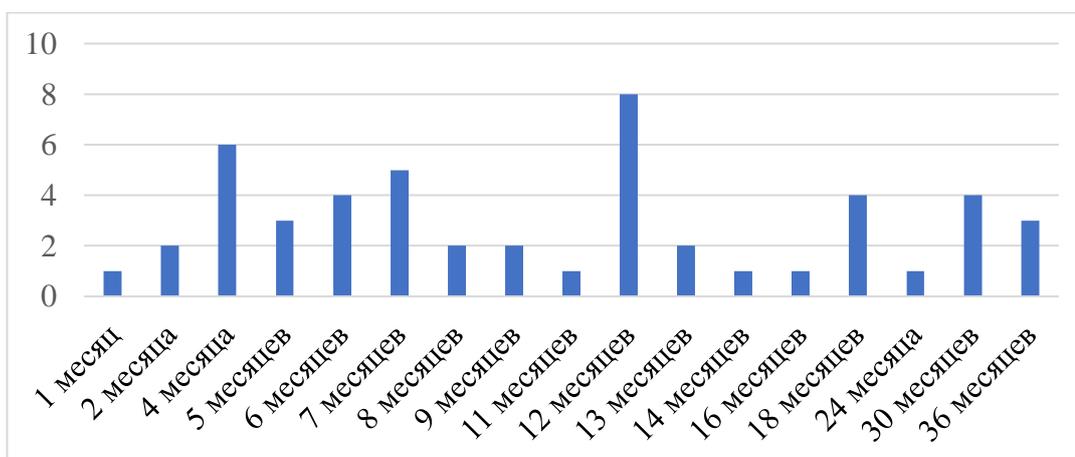

Рисунок 3. Возраст детей респондентов и количество детей по возрасту (На оси ординат указано количество детей данного возраста)

Большая часть отцов отметили, что беременность была запланирована: 33 мужчины (66%) против 17 (34%), что проиллюстрировано на рисунке 4. Для подавляющего большинства факт беременности был хорошей новостью: 48 мужчин (96 %) против 2 (4%).

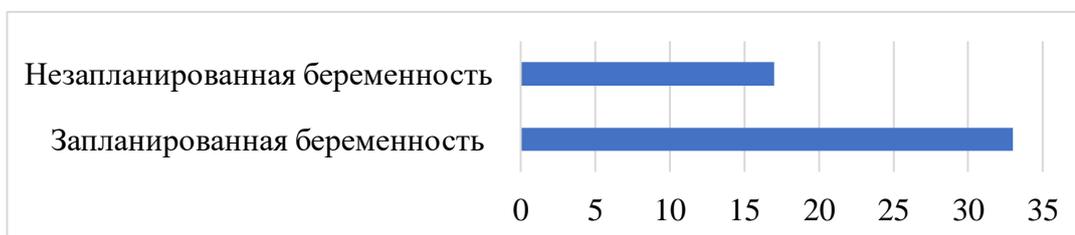

Рисунок 4. Планирование беременности (На оси абсцисс указано количество респондентов)

2.3. Описание групп по шкале опросника «Семейные эмоциональные коммуникации»

В процессе анализа результатов особое внимание мы обращали на значения по методике «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой и С. В. Воликовой, которая будет описана в следующем разделе. Поскольку теоретический и эмпирический материал, связанный с темой отцовства, часто акцентирует внимание на значении эмоциональных отношений между отцом и ребёнком, мы пришли к выводу о возможном разделении выборки на группы по одной из шкал данного опросника (Corneau,

1991; Ramchandani et al, 2013). Так как шкала «Элиминирование эмоций» представляет для нас интерес, и поскольку по данной шкале выборка разделилась на крупные группы, это позволяет сравнить их, подвергнув их статистическому анализу. Критерием разбиения на группы являлось нормативное значение по указанной шкале, вычисленное авторами методики (11,34): группа 1 относится к норме по данной шкале (значение по шкале ниже 11,34), а у респондентов группы 2 результаты по этой шкале относятся к превышению нормы (значение по шкале выше 11,34). Авторы методики на практике предлагают обращать внимание на такие превышающие норму значения, поэтому мы считаем такое разделение выборки на группы обоснованным (Холмогорова et al, 2016). Четыре респондента не попали ни в одну из групп по причине отсутствия значимой мужской фигуры в детстве. Итак, в группу 1 попали 20 человек, а в группу 2 – 26 (Рисунок 5).

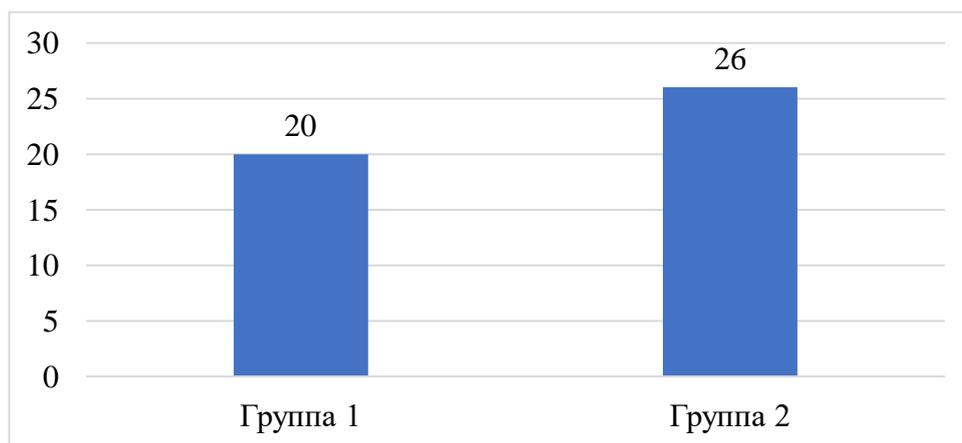

Рисунок 5. Количество респондентов в 1 и 2 группе

Таким образом, в группу 1 попали мужчины, у которых взаимоотношения с отцом в детстве не характеризуются запретом на выражения эмоций, а в группу 2 были распределены те респонденты, у которых во взаимоотношениях с отцом был выражен запрет на проявление эмоций, преимущественно отрицательных.

В 1 группе средний возраст респондентов составил 30,45 лет. Средний возраст ребёнка – 14,75 месяцев (от 2 до 36 месяцев). В группе 1 отцами девочек являются 9 мужчин, а отцами мальчиков – 11 (Рисунок 6). Планировали беременность 13 участников из 20 (Рисунок 8).

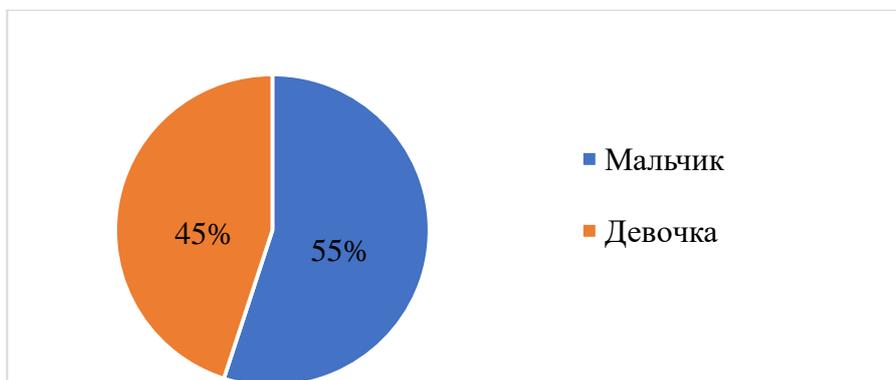

Рисунок 6. Пол ребёнка в 1 группе

В группе 2 средний возраст участников составил 27,69 лет. Средний возраст ребёнка – 10,19 месяцев (от 1 до 36 месяцев). В группе 2 отцами девочек являются 12 мужчин, а отцами мальчиков – 14 (Рисунок 7). Планировали беременность 16 участников из 26 (Рисунок 8).

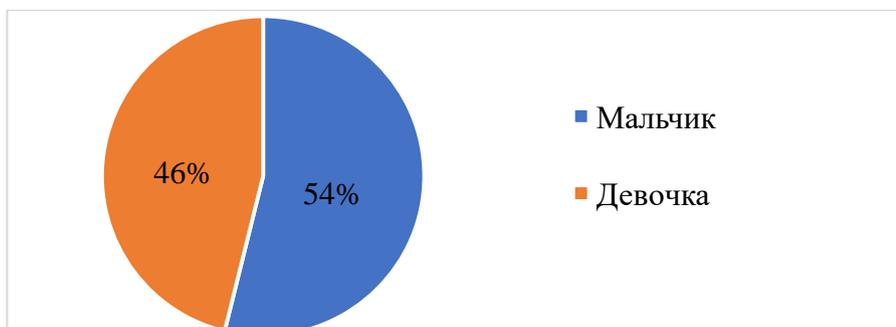

Рисунок 7. Пол ребёнка в группе 2

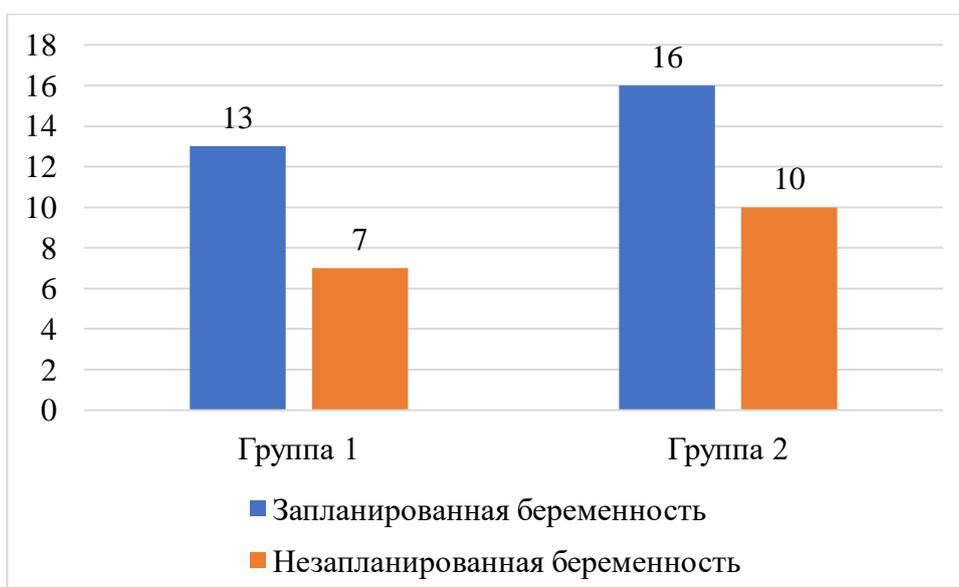

Рисунок 8. Планирование беременности в группе 1 и группе 2

2.4. Методический аппарат исследования

2.4.1. Методика «Представления об идеальном родителе»

Методика «Представления об идеальном родителе» разработана Р.В. Овчаровой и Ю.А. Дегтярёвой и опубликована в 2003 году (Овчарова, 2003). В основе методики лежит контент-анализ родительских сочинений и принцип семантического дифференциала. В данном исследовании методика используется для оценки образа отца у участников, а также для оценки образа идеального отца. Методика даёт возможность оценить образы в трёх аспектах: эмоциональном, когнитивном и поведенческом. Методика состоит из пятидесяти четырёх полярных по смыслу пар прилагательных, представляющих качества родителя, по восемнадцать прилагательных на каждый из компонентов.

Эмоциональный компонент описывает субъективное ощущение себя как родителя, родительские чувства, отношение к себе как к родителю, отношение к ребёнку и к партнёру как к родителю общего ребёнка;

Когнитивный компонент включает в себя осознание родителями родственной связи с детьми, представление о себе, как о родителе, знание своих родительских функций, представление об идеальном родителе, а также образ партнёра и ребёнка;

Поведенческий компонент связан с умениями, навыками и деятельностью родителя по уходу за ребёнком, его воспитанием и развитием, стилем семейного воспитания.

2.4.2. Методика «Личностный семантический дифференциал»

Данная методика была адаптирована сотрудниками научно-исследовательского института имени В.М. Бехтерева и основана на методе семантического дифференциала Ч. Осгуда. «Личностный семантический дифференциал» был создан как компактный и валидный инструмент для получения данных об особенностях субъективного отношения человека к себе или другим людям (Карелин А. А., 2007). Методика включает двадцать одну

пару противоположных по смыслу прилагательных, описывающих особенности личности. Нами было использовано две инструкции: первая была направлена на конструирование образа отца участника, а во второй предлагалось оценить проявление этих особенностей в участнике как в молодом отце.

Двадцать одна пара прилагательных включает в себя три компонента:

Компонент «Оценка» описывает уважение и самоуважение, принятие другого или себя, уровень удовлетворённости собой или другим.

Компонент «Сила» описывает оценку волевых характеристик, уровня уверенности в себе, независимости.

Компонент «Активность» интерпретируется как показатель субъективной экстравертированности и описывает оценку уровня активности, общительности, импульсивности.

2.4.3. Ретроспективная диагностика особенностей воспитательных практик родителей у взрослых испытуемых

«Ретроспективная диагностика особенностей воспитательных практик родителей у взрослых испытуемых» – это адаптированный опросник «Parental Bonding Instrument» (PBI), который разрабатывался на основании теории привязанности Д. Боулби. Уровень надёжности опросника PBI оценивается как высокий, а результаты опросника не зависят от настроения участвующего.

Адаптацию опросника PBI на русском языке для диагностики взрослых испытуемых выполнили в лаборатории клинической психологии и психотерапии медицинского научно-исследовательского института психиатрии, а его перевод был осуществлён А. Б. Холмогоровой (Холмогорова et al, 2016). Опросник апробирован в диссертации О.Г. Калины, сделаны выводы о его высокой валидности и надёжности (Калина, 2007). Опросник позволяет изучить образ родителя с точки зрения эмоциональной теплоты, предоставления автономии и уровня контроля. Он состоит из двадцати пяти

утверждений, ответы по которым группируются в три шкалы: шкала эмоциональной теплоты/отвержения; шкала автономии; шкала сверхконтроля.

2.4.4. Методика «Семейные эмоциональные коммуникации»

Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) разработан А. Б. Холмогоровой и С. В. Воликовой (Холмогорова et al, 2016). Он направлен на исследование особенностей эмоционального поведения родителей, уровня негативных эмоций в родительской семье, а также родительских коммуникаций, индуцирующих отрицательные эмоции у детей. Опросник является валидным и надёжным инструментом для диагностики семейных дисфункций в родительской семье у взрослых участников, результаты не зависят от пола, возраста и образования респондентов. Методика включает тридцать три утверждения, которые образуют семь шкал и общий балл семейных дисфункций.

Опросник содержит следующие шкалы:

1. Родительская критика: оценивается наличие критики в адрес ребёнка в тот момент, когда он проявляет негативные эмоции, допускает ошибки в какой-либо деятельности, особенно при сравнении с другими более успешными детьми.
2. Индуцирование тревоги в семье тестирует фиксацию родителей на возможных трудностях, опасностях и жизненных неудачах.
3. Элиминирование эмоций в семье оценивает запрет на выражение эмоций, прежде всего, негативных.
4. Фиксация на негативных переживаниях: тестируется способность семьи не фиксироваться на негативных эмоциях, не подключаться к настроению другого.
5. Стремление к внешнему благополучию (враждебность и фасад) отражает стремление семьи скрывать, маскировать, не видеть и не выдавать окружающим свои проблемы.

6. Сверхвключённость: оценивается стремление родителей быть максимально включёнными в жизнь ребёнка.

7. Семейный перфекционизм оценивает воспитание ребёнка в духе высоких стандартов и стремления к совершенству.

2.4.5. Методика «Шкала любви и симпатии»

Опросник «Шкала любви и симпатии» разработан З.Рубином, модификация и перевод осуществлены Л.Я.Гозманом и Ю.Е.Алёшиной (Гозман, 1986).

Опросник представляет собой компактный и надёжный инструмент для изучения отношений между партнёрами. Данный инструмент можно использовать для исследования общего уровня эмоциональных отношений. Он содержит четырнадцать утверждений, составляющих две шкалы: любви и симпатии. Шкала любви тестирует степень интимности отношений, привязанность и заботу. Шкала симпатии включает в себя уровень уважения, степень восхищения и уровень воспринимаемого сходства объекта оценки с респондентом.

2.4.6. Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия

Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) разработан Е. И. Захаровой и представляет собой валидный и надёжный инструмент для исследования эмоционального взаимодействия родителя и ребёнка (Захарова, 1996). Опросник включает в себя шестьдесят шесть утверждений, которые распределяются по одиннадцати шкалам. В свою очередь эти шкалы объединяются в три больших блока: чувствительность, эмоциональное принятие, поведенческие проявления эмоционального взаимодействия (Таблица 1).

Таблица 1. Блоки и шкалы методики ОДРЭВ

Блок	Характеристика
Чувствительность	Способность воспринимать состояние ребёнка
	Понимание причин состояния ребёнка
	Способность к сопереживанию ребёнку
Принятие	Чувства, возникающие во время взаимодействия с ребёнком
	Безусловное принятие
	Отношение к себе как к родителю
	Преобладающий эмоциональный фон при взаимодействии
Взаимодействие	Стремление к телесному контакту
	Оказание эмоциональной поддержки ребёнку
	Ориентация на состояние ребёнка при построении взаимодействия
	Умение воздействовать на состояние ребёнка

ГЛАВА 3. Результаты исследования

3.1. Описательные статистики

Для понимания специфики выборки по отобранным для исследования методикам, были изучены описательные статистики. Поскольку у четырёх респондентов отец отсутствовал с самого раннего возраста, эти участники не проходили методики на оценку образа отца и взаимодействия с ним. В связи с этим в методиках «Представления об идеальном родителе» Р.В. Овчаровой, Ю.А. Дегтярёвой (оценка собственного отца), «Личностный семантический дифференциал» Ч. Осгуда (оценка собственного отца), «Ретроспективная диагностика особенностей воспитательных практик родителей у взрослых испытуемых» (РВИ Паркера) и «Семейные эмоциональные коммуникации» число респондентов 46.

Для изучения когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов образа отца респондентов использовалась методика «Представления об идеальном родителе» Р.В. Овчаровой, Ю.А. Дегтярёвой. Средние значения, стандартное отклонение, а также минимальное и максимальное значение ответа в выборке по трём аспектам образа отца представлены в таблице 2.

Таблица 2. Описательные статистики выборки по методике «Представления об идеальном родителе»

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Когнитивный компонент образа отца	46	-12,00	20,00	7,4565	7,54750
Эмоциональный компонент образа отца	46	-14,00	25,00	9,1304	10,13818
Поведенческий компонент образа отца	46	-17,00	28,00	8,5217	10,56775

Опросник предполагает качественный анализ оценки образа отца по трём аспектам. По данной методике можно набрать от -54 до +54 баллов: чем выше балл, тем сильнее выражен компонент в образе отца. Как видно из таблицы 2, разброс ответов об аспектах образа отца весьма большой. При этом самый большой разброс в ответах наблюдается в оценке поведенческого

аспекта образа отца (от -17 до 28). Наименьший разброс ответов фиксируется в когнитивном компоненте образа отца (от -12 до 20). В среднем наиболее высоко респонденты оценивают эмоциональный аспект образа отца, а наименее высоко – когнитивный. Можно отметить, что средние значения по всем трём аспектам не являются высокими, но при этом относятся к положительному полюсу.

Для изучения таких компонентов фигуры отца как «Сила», «Оценка» и «Активность» использовался «Личностный семантический дифференциал» Ч. Осгуда. Средние значения, стандартное отклонение, и минимальное и максимальное значение ответа в выборке по трём компонентам фигуры отца представлены в таблице 3.

Таблица 3. Описательные статистики выборки по методике «Личностный семантический дифференциал»

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Оценка фигуры отца	46	-19,00	13,00	2,6087	6,41692
Сила фигуры отца	46	-12,00	15,00	1,0435	5,39529
Активность фигуры отца	46	-16,00	12,00	-3,8478	5,70367

Данная методика также предполагает два полюса результатов: от -21 до +21. Как видно по средним значениям, наиболее высокие баллы получены по компоненту «Оценка», а наименьшие – по компоненту «Активность», причём в отрицательном полюсе. Значения менее 7 баллов считаются низкими, поэтому все три компонента фигуры отца в выборке являются слабовыраженными.

Для изучения образа отца с точки зрения проявлений эмоциональной теплоты, предоставления автономии и уровня контроля была использована «Ретроспективная диагностика особенностей воспитательных практик родителей у взрослых испытуемых» (РВИ). В таблице 4 можно увидеть средние значения, стандартное отклонение, а также минимальное и максимальное значение ответа в выборке по перечисленным характеристикам.

Таблица 4. Описательные статистики выборки по методике РВІ

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Эмоциональная теплота/отвержение	46	-17,00	20,00	5,1739	10,94695
Автономия	46	-9,00	12,00	6,0870	5,40710
Сверхконтроль	46	-10,00	10,00	-4,3696	5,13099

В данной методике шкалы не являются равнозначными, поэтому сравнивать их между собой не представляется возможным. Для шкалы «Эмоциональная теплота/отвержение» баллы располагаются в диапазоне от -20 до +20, для шкалы «Автономия» - от -12 до +12, для шкалы «Сверхконтроль» - от -10 до +10. Для всех шкал справедлива закономерность: чем выше балл, тем сильнее выражено свойство.

Чтобы исследовать особенности эмоционального поведения отцов респондентов в детстве, применялся опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой и С. В. Воликовой. Средние значения, стандартное отклонение, а также минимальное и максимальное значение ответа в выборке по шкалам представлены в таблице 5.

Таблица 5. Описательные статистики выборки по методике «СЭЖ»

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Родительская критика	46	0,00	20,00	8,0000	4,60917
Индукция тревоги	46	1,00	15,00	7,2826	3,33775
Фиксация на негативных переживаниях	46	2,00	17,00	10,4348	3,81023
Внешнее благополучие	46	0,00	7,00	3,7391	2,11276
Сверхвключённость	46	1,00	9,00	5,4783	1,94067
Семейный перфекционизм	46	0,00	7,00	2,4783	1,82256
Общий балл семейных дисфункций	46	17,00	67,00	43,7826	10,80723

В данной методике шкалы также неравнозначны. Значения по всем шкалам, кроме двух, соответствуют нормативным. Значение по шкале «Сверхвключённость» выше нормы (значение по шкале 5,47; нормативное значение $1,15 \pm 1,13$). По шкале «Семейный перфекционизм» получено значение ниже нормативного (значение по шкале 2,47; нормативное значение

5,02±1,35). Общий балл семейных дисфункций соответствует средним значениям (36-57 баллов).

Для исследования общего уровня эмоциональных отношений с супругой был использован опросник «Шкала любви и симпатии» З. Рубина. Средние значения, стандартное отклонение, а также минимальное и максимальное значение ответа в выборке по шкалам можно увидеть в таблице 6.

Таблица 6. Описательные статистики выборки по методике «Шкала любви и симпатии»

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Любовь	50	14,00	28,00	23,2400	3,81490
Симпатия	50	14,00	28,00	21,6400	3,34274

Диапазон ответов находится в пределах от 7 до 28 в обеих шкалах. Из таблицы 6 видно, что разброс результатов одинаков для двух шкал. Среднее значение по шкале «Любовь» выше, чем по шкале «Симпатия», при этом оба результата можно назвать высокими (больше 21).

Для изучения эмоционального взаимодействия родителя и ребёнка мы использовали опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е. И. Захаровой. В таблице 7 представлены средние значения, стандартное отклонение, и минимальное и максимальное значение ответа в выборке по данному опроснику.

Таблица 7. Описательные статистики выборки по методике ОДРЭВ

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Восприятие состояния	50	2,40	4,80	3,7100	,74922
Понимание причин состояния	50	2,10	5,00	3,6800	,64238
Эмпатия	50	1,60	4,60	3,3520	,66555
Чувства отца при взаимодействии	50	2,30	5,00	4,1200	,66578
Безусловное принятие	50	2,90	5,00	4,0660	,61830
Принятие роли	50	2,00	5,00	3,8540	,81821
Эмоциональный фон	50	2,20	5,00	3,9720	,63665
Телесный контакт	50	1,60	5,00	4,0900	,74649

Эмоциональная поддержка	50	2,70	4,90	3,7860	,64745
Ориентация на ребёнка	50	1,40	4,20	2,6800	,66425
Воздействие на эмоциональное состояние ребёнка	50	2,30	5,00	3,9120	,70758

Диапазон значений по данной методике располагается между 0,5 и 5 баллов, при этом для каждой шкалы существует своё нормативное значение. По данной методике в среднем по выборке не обнаружено отклонений от нормативных значений. Как видно из таблицы 7, наиболее выраженными в выборке являются следующие элементы эмоционального взаимодействия: чувства отца при взаимодействии, безусловное принятие и телесный контакт. Наименее выраженными оказались такие характеристики, как ориентация на ребёнка, эмпатия и понимание причин состояния ребёнка.

Чтобы исследовать когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты образа идеального отца была выбрана методика «Представления об идеальном родителе» Р.В. Овчаровой, Ю.А. Дегтярёвой. В таблице 8 представлены средние значения, стандартное отклонение, а также минимальное и максимальное значение ответа в выборке по данным аспектам.

Таблица 8. Описательные статистики выборки по методике «Представления об идеальном родителе»

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Когнитивный компонент образа идеального отца	50	3,00	46,00	19,0800	8,90961
Эмоциональный компонент образа идеального отца	50	2,00	40,00	16,3000	8,26166
Поведенческий компонент образа идеального отца	50	2,00	47,00	25,1000	11,15430

По данному опроснику можно получить баллы от -54 до +54, чем выше балл, тем сильнее выражен компонент в образе идеального отца. В среднем наиболее высоко респонденты оценивают поведенческий аспект образа идеального отца, а наименее высоко – эмоциональный.

Чтобы изучить отношение к себе как к отцу у респондентов, использовался «Личностный семантический дифференциал» Ч. Осгуда. Средние значения, стандартное отклонение, и минимальное и максимальное значение ответа в выборке по компонентам «Сила», «Оценка» и «Активность» представлены в таблице 9.

Таблица 9. Описательные статистики выборки по методике «Личностный семантический дифференциал»

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
Оценка	50	1,00	21,00	13,9600	4,75077
Сила	50	-8,00	18,00	7,9200	5,75996
Активность	50	-2,00	20,00	8,6200	5,15035

Данная методика предполагает два полюса результатов: от -21 до +21. Как видно по средним значениям, наиболее высокие баллы получены по компоненту «Оценка», а наименьшие – по компоненту «Сила». Значения по всем компонентам являются средними (выше 8).

3.2. Сравнительный анализ двух групп по шкале «Элиминирование эмоций»

Выборка была разделена на группы по шкале «Элиминирование эмоций» методики «Семейные эмоциональные коммуникации», исследующей специфику эмоционального поведения родителей по отношению к детям и родительские коммуникации, вызывающие негативные эмоции у детей. Критерием разделения была выраженность такой стратегии взаимодействия отца с сыном, при которой эмоциональные проявления ребёнка, в особенности негативные, оказываются нежелательными. Для статистической оценки различий между полученными группами был применён непараметрический критерий U Манна-Уитни. В следующих подразделах (3.2.1. – 3.2.6) будут сравниваться эти же группы и использоваться тот же статистический критерий для математической обработки данных.

3.2.1. Изучение образа отца

Для изучения образа отца респондентов использовались две методики - методика «Представления об идеальном родителе» Р.В. Овчаровой, Ю.А. Дегтярёвой и «Личностный семантический дифференциал» Ч. Осгуда. Средние значения обеих групп по шкалам двух опросников, а также значимость различий, представлены в таблице 10.

Таблица 10. Сравнение представлений образа отца в изучаемых группах

Название шкалы	Средние значения в группе 1 (норма)	Средние значения в группе 2	Значимость
Представления об идеальном родителе			
Когнитивный компонент образа отца	8,45	6,69	0,549
Эмоциональный компонент образа отца	15,95	3,88	0,005*
Поведенческий компонент образа отца	13,95	4,35	0,006
Личностный семантический дифференциал			
Оценка фигуры отца	5,55	0,35	0,004*
Сила фигуры отца	0,95	1,12	0,689
Активность фигуры отца	-3,35	-4,23	0,411

Наглядно разница в средних значениях по группам показана на рисунке 9. По двум из трёх компонентов образа отца, сконструированном с помощью методики «Представления об идеальном родителе», были получены статистически значимые результаты. Группа 1 и группа 2 значительно различаются друг от друга в описании таких аспектов образа отца как эмоциональный ($P=0,005$) и поведенческий ($P=0,006$). По средним значениям видно, что эти компоненты в образах отца участников из 1-ой группы выражены значительно сильнее, чем у респондентов из 2-ой группы. Когнитивный компонент образа отца значимо не различается между двух групп.

Объяснением данных результатов могут являться следующие предположения: отсутствие поощрения и даже запрет проявления эмоций со стороны отца в детстве могут быть связаны с собственными ограничениями эмоциональных проявлений в общем и в отношении детей, что выражается во внешней безэмоциональности; другим объяснением может быть связь элиминирования эмоций со стороны отца с развитием эмоционального

интеллекта сына, в частности с умением понимать чужие эмоции, что при недостаточном развитии могло привести к образу отца со слабо выраженным эмоциональным компонентом. Касательно поведенческого компонента, у нас следующее предположение: возможно, отцы, которые подавляют эмоциональные проявления своих сыновей, не склонны включаться в активное взаимодействие с ними, и, напротив, их стиль семейного воспитания может включать критику, приказной тон, командование, сверхконтроль и отсутствие равного диалога.

По компоненту «Оценка» методики «Личностный семантический дифференциал» было получено статистически значимое отличие ($P=0,004$): компонент «Оценка фигуры отца» сильнее выражен в группе 1, чем в группе 2. Это свидетельствует о меньшей привлекательности и меньшем принятии фигуры отца в группе 2, по сравнению с группой 1. Это может объясняться тем, что отец, не поощряющий эмоциональные проявления сына, может восприниматься менее доступным, более отстранённым и холодным.

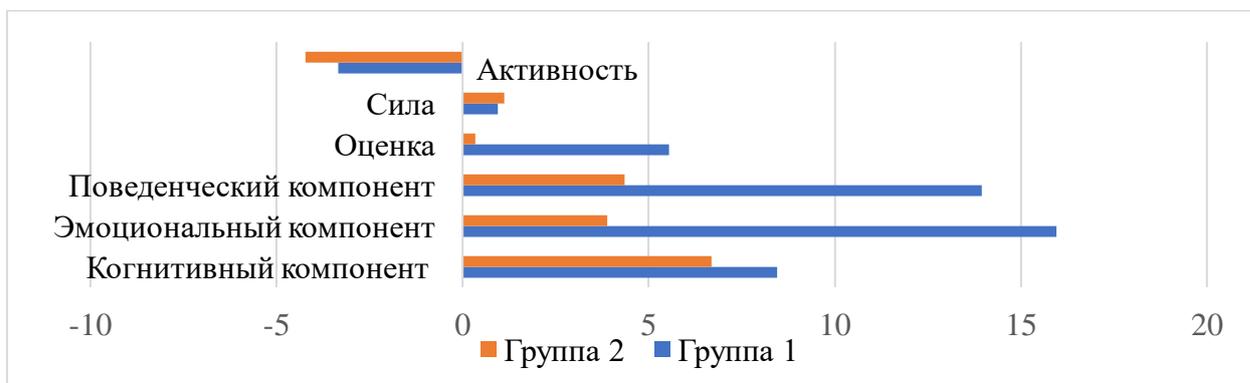

Рисунок 9. Средние значения по шкалам, описывающим образ отца в двух группах

3.2.2. Изучение специфики отношений между отцом и сыном в детстве

Для изучения особенностей отношений между респондентом и его отцом в детстве были использованы методики «Ретроспективная диагностика особенностей воспитательных практик родителей у взрослых испытуемых» (РВИ Паркера) и «Семейные эмоциональные коммуникации». Средние значения обеих групп по шкалам двух опросников, а также значимость различий, представлены в таблице 11.

Таблица 11. Сравнение значений выраженности по шкалам, изучающих специфику отношений между отцом и сыном в детстве

Название шкалы	Средние значения в группе 1 (норма)	Средние значения в группе 2	Значимость
РВИ (Паркер, Холмогорова)			
Эмоциональная теплота/отвержение	12,3	-0,31	0,004*
Автономия	7,75	4,81	0,107
Сверхконтроль	-4,6	-4,19	0,859
СЭК			
Родительская критика	5,8	9,69	0,009*
Индукция тревоги	8,1	6,65	0,107
Фиксация на негативных переживаниях	3,95	3,58	0,514
Внешнее благополучие	4,75	6,04	0,047*
Сверхвключённость	2,55	2,42	0,610
Семейный перфекционизм	6,7	6,12	0,393
Общий балл семейных дисфункций	38,65	47,73	0,014*

Наглядно сравнение средних значений по группам показано на рисунке 10. По одной из трёх шкал методики РВИ, были получены статистически значимые результаты. Группа 1 и группа 2 значимо отличаются друг от друга по шкале «Эмоциональная теплота/отвержение» ($P=0,004$), при этом в группе 1, представляющей норму, показатель эмоциональной теплоты (среднее) гораздо выше, чем в группе 2. По шкалам «Автономия» и «Сверхконтроль» значимых различий не выявлено. Такой результат может говорить о том, что мужчины, отцы которых не поощряли их эмоциональные проявления в детстве, также склонны оценивать отцов как эмоционально отвергающих, в отличие от тех мужчин, которые не сталкивались с подавлением их эмоций со стороны отца.

По методике «СЭК» статистически значимые результаты получены по двум шкалам и общему баллу методики. Группа 1 и группа 2 значимо различаются друг от друга по шкалам «Родительская критика» ($P=0,009$) и «Внешнее благополучие» ($P=0,047$). Средние значения в обеих шкалах выше во второй группе, что позволяет сделать вывод о том, что в группе 2 респонденты чаще сталкивались с отцовской критикой в свой адрес в моменты неудач, сравнением с другими детьми, а также со стремлением к внешнему благополучию, выразившимся в маскировке проблем, нежелании их

признавать и стремлении скрывать их от окружающих. Это значит, что мужчины, отцы которых подавляли их эмоции, с высокой долей вероятности одновременно были склонны к критике в адрес своего сына, к нежеланию признавать проблемы семьи и сына и стремлению к сокрытию от других этих проблем.

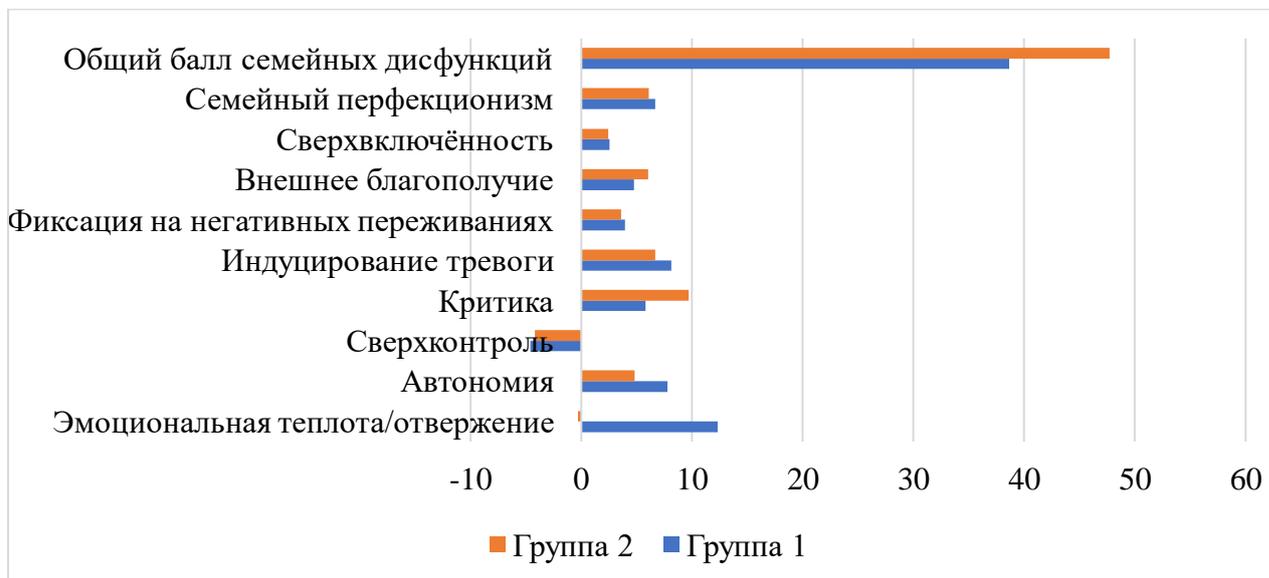

Рисунок 10. Средние значения по методикам, описывающим специфику отношений между отцом и сыном в детстве

3.2.3. Изучение партнёрских отношений

Для изучения особенностей отношений между респондентом и его супругой в настоящий момент был выбран опросник «Шкала любви и симпатии». Средние значения обеих групп респондентов по шкалам опросника, а также значимость различий, представлены в таблице 12.

Таблица 12. Сравнение значений выраженности шкал «Любовь» и «Симпатия»

Название шкалы	Средние значения в группе 1 (норма)	Средние значения в группе 2	Значимость
Любовь	23,55	23,34	0,486
Симпатия	22,25	21,57	0,497

Как видно по таблице 12, по данной методике не было получено статистически значимых результатов. Можно отметить, что в обеих группах средние значения по шкале «Любовь» немного выше, чем средние значения по шкале «Симпатия», что в целом свойственно супружеским отношениям. Эти

результаты могут говорить о том, что отношения с отцом, а именно подавление эмоциональных проявлений в детстве, не связаны с такими особенностями супружеских отношений как привязанность, степень интимности, забота, уровень уважения, восхищения и воспринимаемого сходства.

Тем не менее, как можно увидеть по рисунку 11, выраженность симпатии в группе 1 выше, чем в группе 2. При равной степени интимности отношений и привязанности (шкала «Любовь»), степень воспринимаемого сходства и уровень уважения и восхищения супругой выше в группе 1 (шкала «Симпатия»). Это может быть связано с более развитой способностью выражать эмоции, в том числе позитивного полюса, в связи с ограничениями их проявлений в детстве.

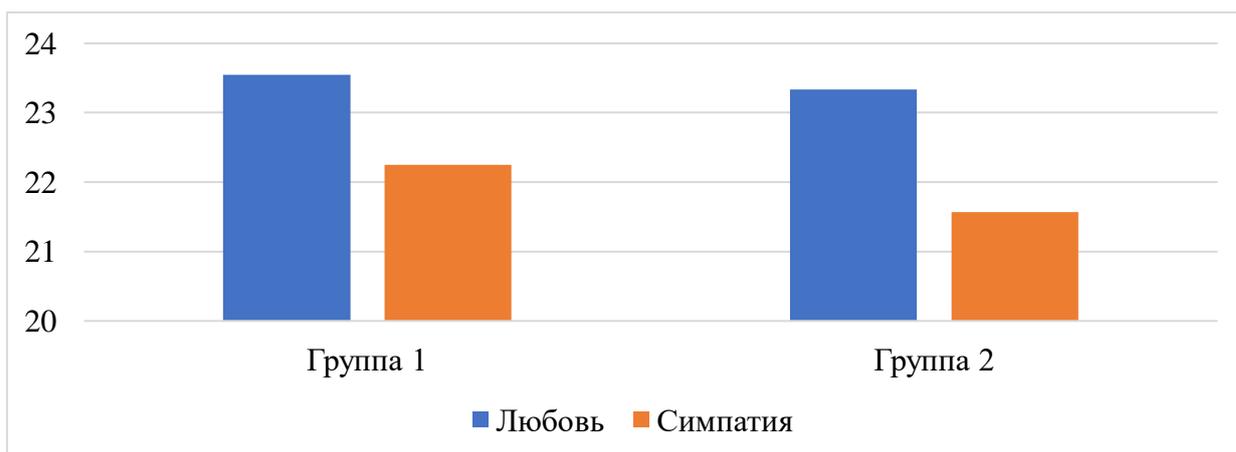

Рисунок 11. Средние значения по методике "Шкала любви и симпатии"

3.2.4. Изучение отношений отца и ребёнка

Для изучения особенностей отношений между респондентом и его отцом в детстве был использован опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ). Средние значения обеих групп по шкалам двух опросников, а также значимость различий, представлены в таблице 13.

Таблица 13. Сравнение значений выраженности шкал методики ОДРЭВ

Название шкалы	Средние значения в группе 1 (норма)	Средние значения в группе 2	Значимость
Восприятие состояния	4,01	3,43	0,006*
Понимание причин состояния	3,97	3,41	0,007*
Эмпатия	3,3	3,39	0,956
Чувства отца при взаимодействии	4,19	4,15	0,929
Безусловное принятие	4,1	4,08	0,938
Принятие роли	3,97	3,79	0,443
Эмоциональный фон	3,95	3,99	0,546
Телесный контакт	4,22	4,03	0,504
Эмоциональная поддержка	4,06	3,59	0,026*
Ориентация на ребёнка	2,59	2,7	0,462
Воздействие на эмоциональное состояние ребёнка	3,91	3,91	0,982

Наглядно сравнение средних значений шкал, достигших статистически значимых различий, по группам показано на рисунке 12. По трём из одиннадцати шкал методики ОДРЭВ, были получены статистически значимые результаты. Группа 1 и группа 2 значимо отличаются друг от друга по шкалам «Восприятие состояния» ($P=0,006$), «Понимание причин состояния» ($P=0,007$), «Эмоциональная поддержка» ($P=0,026$). Как видно по средним значениям, в группе 1 по данным шкалам показатели выше, чем в группе 2. Это значит, что мужчины, отцы которых были склонны к подавлению их эмоций, в своём первом опыте отцовства с детьми до трёх лет имеют бóльшие трудности в восприятии состояния своего ребёнка и в понимании причин этого состояния, а также реже оказывают эмоциональную поддержку, чем те мужчины, в опыте взаимодействия которых с отцом не было запрета на проявление эмоций.

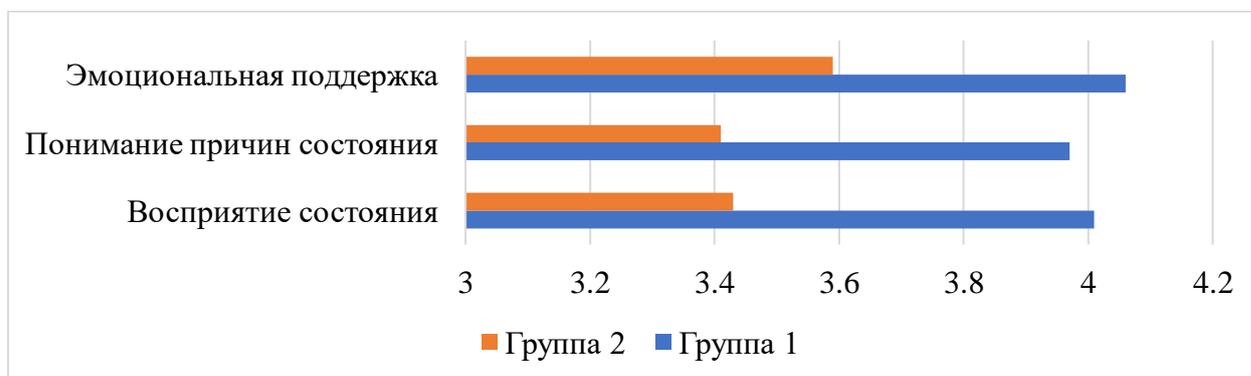

Рисунок 12. Средние значения по шкалам методики ОДРЭВ со статистически значимыми различиями

3.2.5. Изучение образа идеального отца

Для изучения образа отца респондентов использовалась методика «Представления об идеальном родителе» Р.В. Овчаровой, Ю.А. Дегтярёвой. Средние значения обеих групп по шкалам двух опросников, а также значимость различий, представлены в таблице 14.

Таблица 14. Сравнение значений выраженности шкал методики «Представления об идеальном родителе»

Название шкалы	Средние значения в группе 1 (норма)	Средние значения в группе 2	Значимость
Когнитивный компонент образа идеального отца	18,6	20,31	0,485
Эмоциональный компонент образа идеального отца	18,75	15,46	0,134
Поведенческий компонент образа идеального отца	26,1	25,89	0,824

По данной методике не было получено статистически значимых результатов. Можно отметить, что в обеих группах средние значения по поведенческому компоненту выше, чем средние значения по двум другим компонентам (когнитивному и эмоциональному). Это говорит о большей значимости для молодых отцов конкретных умений, навыков по уходу за ребёнком, чем таких характеристик как отношение к себе как к родителю, к партнёру, осознание родственной связи с ребёнком. При этом в обеих группах средние значения, относящиеся к образу идеального отца, значительно выше, чем средние значения тех же компонентов, описывающих их собственных отцов (Таблица 10). Это может свидетельствовать о переменах в отношении к отцовству и его функциям, особенно в отношении вовлечённости во взаимодействие с ребёнком: для мужчин становится нормой быть вовлечённым, активным родителем, начиная с самого малого возраста ребёнка. Наглядно разница в средних значениях по группам показана на рисунке 13.

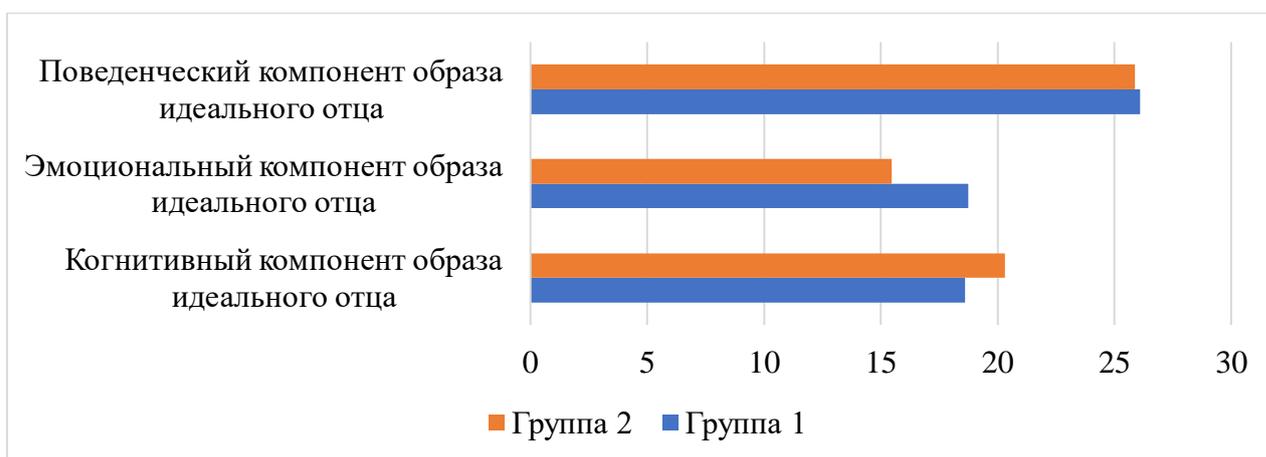

Рисунок 13. Средние значения по методике «Представления об идеальном родителе»

3.2.6. Изучение образа себя как отца

Для изучения образа отца респондентов использовалась методика «Личностный семантический дифференциал». Средние значения обеих групп по шкалам двух опросников, а также значимость различий, представлены в таблице 15.

Таблица 15. Сравнение значений выраженности шкал методики «Личностный семантический дифференциал»

Название шкалы	Средние значения в группе 1 (норма)	Средние значения в группе 2	Значимость
Оценка	16,15	12,88	0,021*
Сила	10,8	6,23	0,009*
Активность	10,05	7,62	0,158

По двум из трёх компонентов образа себя как отца, сконструированном с помощью методики «Личностный семантический дифференциал», были получены статистически значимые результаты. Группа 1 и группа 2 значимо различаются друг от друга в описании таких аспектов образа себя в роли отца как «Оценка» ($P=0,021$) и «Сила» ($P=0,009$). По средним значениям можно увидеть, что значения компонентов «Оценка» и «Сила» в группе 1 значимо выше, чем в группе 2. Компонент «Активность» между этими двумя группами значимо не различается. Это значит, что мужчины, отцы которых были склонны к запрету их эмоциональных проявлений, в своём первом опыте отцовства с детьми до трёх лет склонны к более низкой самооценке, самоуважению, принятию себя и удовлетворённостью собой в роли отца.

Также эти мужчины имеют более низкие оценки своих волевых характеристик в роли отца, уровня уверенности в себе и независимости, чем те мужчины, в опыте взаимодействия которых с отцом не было подавления эмоций. Это может быть связано с тем, что образ собственного отца или иной значимой мужской фигурой в детстве является неким эталоном, по которому выстраивается собственное отцовское поведение. Однако, когда отношения с отцом, его образ негативно окрашиваются, мужчина теряет этот образ как эталон, модель, и вынужден выстраивать своё отцовство без опоры на собственного отца. Это может приводить к неуверенности в себе, неудовлетворённостью собой, принятию себя в роли отца. Также это может быть опосредованным влиянием ограничения отцом проявления эмоций: трудности в восприятии и понимании состояния ребёнка, которые, как мы выяснили ранее, связаны с элиминированием эмоций, могут оказывать влияние на удовлетворённость собой в роли отца. Различия в средних значениях по группам продемонстрированы на рисунке 14.

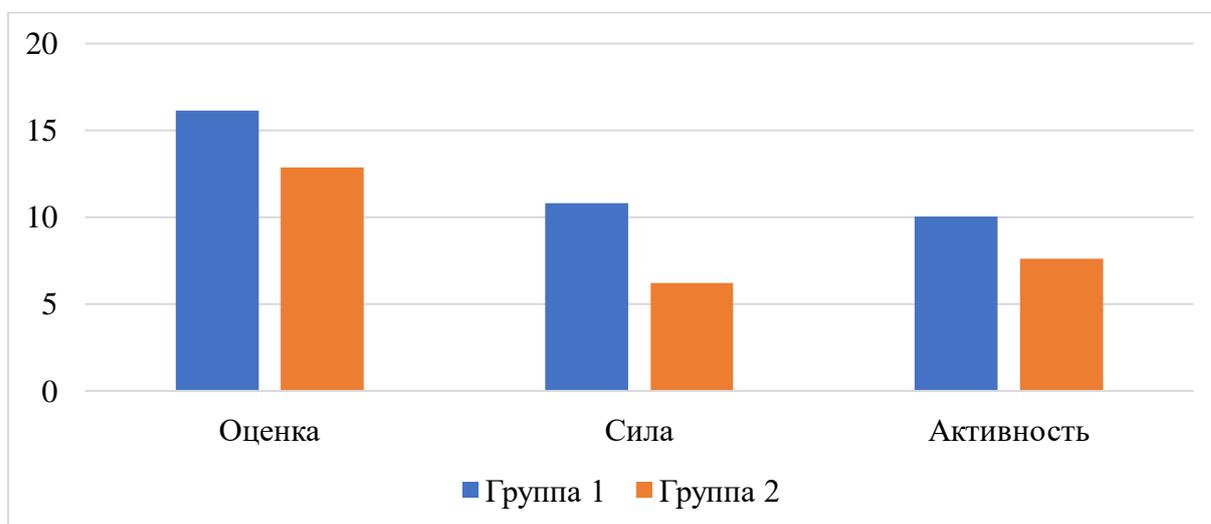

Рисунок 14. Средние значения по методике «Личностный семантический дифференциал»

3.3. Корреляционный анализ

Для проведения корреляционного анализа был использован непараметрический критерий Спирмена, поскольку размер выборки небольшой. Корреляции изучались между группой методик, связанными с отцовством респондентов («Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ), «Представления об идеальном родителе» с

описанием образа идеального отца, «Личностный семантический дифференциал» с оценкой себя в роли отца) и группой методов, связанных с отношениями с их собственным отцом («Представления об идеальном родителе» с описанием образа реального (собственного) отца, «Личностный семантический дифференциал» с оценкой образа собственного отца, «Ретроспективная диагностика особенностей воспитательных практик родителей у взрослых испытуемых» – РВИ). Также мы включили в анализ шкалу «Любви и симпатии», чтобы понять, связана ли глубина чувств и привязанность к партнёру с каким-либо аспектом отцовства, но значимых корреляций обнаружено не было.

3.3.1. Факторы, связанные со взаимодействием отца и ребёнка

Для изучения отношения отца к ребёнку использовался опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ). Средние значения и стандартное отклонение по ним указаны в таблице 16. Средние по всем шкалам данного опросника находятся в области нормальных значений (минимальное значение 0,5; максимальное значение 5; область критических значений находится ниже критериальных значений).

Таблица 16. Средние значения, стандартные отклонения и критериальные значения опросника ОДРЭВ

Шкалы	Среднее значение	Стандартное отклонение	Критериальное значение
Восприятие состояния	3,7100	0,74922	3,7
Понимание причин состояния	3,6800	0,64238	3,2
Эмпатия	3,3520	0,66555	2,8
Чувства отца при взаимодействии с ребёнком	4,1200	0,66578	3,3
Безусловное принятие	4,0660	0,61830	3,2
Принятие роли отца	3,8540	0,81821	3,1
Эмоциональный фон при взаимодействии	3,9720	0,63665	3,0
Стремление к телесному контакту	4,0900	0,74649	3,3
Оказание эмоциональной поддержки	3,7860	0,64745	2,8
Ориентация на ребёнка при взаимодействии	2,6800	0,66425	2,3
Воздействие на эмоциональное состояние ребёнка	3,9120	0,70758	3,2

Корреляционный анализ по критерию Спирмена показал, что шкалы методики ОДРЭВ положительно связаны с эмоциональным и поведенческим

компонентами методики «Представления об идеальном родителе» (ПИР). К этим шкалам относятся (уровень значимости $P < 0,01$; $P < 0,05$): «Восприятие состояния ребёнка», «Понимание причин состояния ребёнка», «Чувства отца при взаимодействии с ребёнком», «Принятие роли отца». Шкалы «Эмпатия» и «Оказание эмоциональной поддержки» значимо связаны (прямая связь) только с поведенческим компонентом образа отца. Уровень значимости каждой связи указан в таблице 17.

Таблица 17. Связи шкал методики ОДРЭВ и ПИР ($P < 0,01$; * $P < 0,05$)**

ОДРЭВ	Восприятие состояния	Понимание причин состояния	Эмпатия	Чувства отца	Принятие роли	Оказание эмоциональной поддержки
Семантический дифференциал						
Эмоциональный компонент образа отца	0,001**	0,001**		0,019*	0,005**	
Поведенческий компонент образа отца	0,001**	0,003**	0,035*	0,009*	0,001**	0,026*

Восприятие состояния ребёнка, понимание причин этого состояния, чувства, которые вызывает взаимодействие с ребёнком и принятие роли отца связаны с эмоциональным и поведенческим компонентами образа отца. Также эмпатия и способность оказывать эмоциональную поддержку связаны с поведенческим аспектом образа отца. Эти связи могут быть обусловлены феноменом идентификации с отцовской фигурой: чем более положительной она будет для мужчины, тем меньше трудностей будет вызывать собственная отцовская роль.

Также с помощью корреляционного анализа обнаружено, что шкалы ОДРЭВ связаны с Оценкой и Активностью фигуры отца (Таблица 18). С Оценкой фигуры отца положительно связаны шкалы «Восприятие состояния ребёнка» ($P=0,003$), «Понимание причин состояния ребёнка» ($P=0,018$), «Принятие роли отца» ($P=0,043$). С Активностью фигуры отца прямая связь обнаружена у шкалы «Оказание эмоциональной поддержки» ($P=0,017$).

Таблица 18. Связи шкал методики ОДРЭВ и «Личностный семантический дифференциал» (P<0,01; *P<0,05)**

ОДРЭВ \ Дифференциал	Восприятие состояния	Понимание причин состояния	Принятие роли	Оказание эмоциональной поддержки
Оценка фигуры отца	0,003**	0,018*	0,043*	
Активность фигуры отца				0,017*

Общая оценка фигуры отца, уважение к ней связаны со способностью понимать состояние ребёнка и причины этого состояния, а также с принятием роли отца, что, в свою очередь, может быть связано с идентификацией с фигурой отца. Чем более активен, общителен собственный отец был в детстве, тем выше способность оказывать эмоциональную поддержку.

Связь шкал ОДРЭВ с методикой «Ретроспективная диагностика особенностей воспитательных практик родителей у взрослых испытуемых» (РВИ) также была обнаружена с помощью корреляционного анализа. Шкалы «Восприятие состояния ребёнка», «Понимание причин состояния ребёнка», «Принятие роли отца» значимо связаны со шкалами «Эмоциональная теплота/отвержение» (связь прямая) и «Критика» (обратная связь). Шкалы «Чувства отца при взаимодействии с ребёнком» и «Безусловное принятие» связаны со шкалой «Эмоциональная теплота/отвержение» (связь прямая), а шкала «Стремление к телесному контакту» обратно связана со шкалой «Критика». Уровень значимости каждой связи указан в таблице 19.

Таблица 19. Связи шкал методики ОДРЭВ и РВИ (P<0,01; *P<0,05)**

ОДРЭВ \ РВИ	Восприятие состояния	Понимание причин состояния	Чувства отца	Безусловное принятие	Принятие роли	Телесный контакт
Эмоциональная теплота/отвержение	0,004**	0,003**	0,014*	0,026*	0,003**	
Критика	0,003** (-)	0,009** (-)			0,020* (-)	0,015* (-)

Восприятие состояния ребёнка, понимание причин состояния, а также принятие родительской роли прямо связан с уровнем эмоциональной теплоты и, наоборот, – с уровнем критики отца в детстве мужчины: чем выше была отцовская эмоциональная теплота и ниже уровень критики в детстве, тем

меньше трудностей испытывает молодой отец при определении состояния ребёнка и его причин, а также в принятии родительской роли. Критика и эмоциональное отвержение со стороны близкого человека, в данном случае объекта идентификации, могут влиять на самооценку и вызывать неуверенность в способности быть хорошим родителем, выполнять родительские функции, заставляя сомневаться в правильности понимания состояния ребёнка и причин этого состояния. Эмоциональная теплота, которой окрашена фигура отца в детстве, закрепляется в образе идеального отца, которому взрослый мужчина стремится соответствовать, став родителем: так, он легче принимает ребёнка и испытывает положительные эмоции при взаимодействии с ним. Отцовская критика в детстве может также сказываться на стремлении к телесному контакту с ребёнком: одним из объяснений может быть страх что-либо сделать не так.

Обнаружены также связи между методикой ОДРЭВ и опросником «Семейные эмоциональные коммуникации». Шкалы «Восприятие состояния ребёнка» и «Понимание причин состояния ребёнка» связаны со шкалой «Элиминирование эмоций» (обратная связь; $P=0,003$ и $P=0,001$ соответственно). Кроме того, шкала «Понимание причин состояния ребёнка» отрицательно коррелирует с общим баллом семейных дисфункций ($P=0,039$). Шкала «Эмпатия» имеет отрицательную корреляцию с шкалами «Индукция эмоций» ($P=0,012$) и «Фиксация на негативных переживаниях» ($P=0,04$). Шкала «Безусловное принятие» положительно коррелирует со шкалой «Внешнее благополучие» ($P=0,027$), а шкала «Ориентация на ребёнка во время взаимодействия» отрицательно связана с показателем «Семейный перфекционизм». Все корреляции указаны в таблице 20.

Таблица 20. Связи шкал методики ОДРЭВ и СЭК (P<0,01; *P<0,05)**

ОДРЭВ СЭК	Восприятие состояния	Понимание причин состояния	Эмпатия	Безусловное принятие	Ориентация на ребёнка
Индукция тревоги			0,012* (-)		
Элиминация эмоций	0,003** (-)	0,001** (-)			
Фиксация на негативных переживаниях			0,040* (-)		
Внешнее благополучие				0,027*	
Семейный перфекционизм					0,039* (-)
Общий балл семейных дисфункций		0,039* (-)			

Фиксация отца мужчины в детстве на негативных переживаниях, трудностях и неудачах может оказывать влияние на проявление эмпатии по отношению к ребёнку, а отцовский перфекционизм в воспитании, стремление к совершенству противоречат ориентации на чувства, желания, потребности ребёнка: при высокой степени идентификации с собственным отцом, мужчина может повторять его воспитательные практики и не ориентироваться на ребёнка во время взаимодействия.

3.3.2. Факторы, связанные с образом идеального отца

Для изучения образа идеального отца использовался опросник «Представления об идеальном родителе». Средние значения и стандартное отклонение по трём компонентам указаны в таблице 21. При рассмотрении образа идеального отца исходя из трёх компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого, можно увидеть, что средние значения поведенческого компонента выражены в наибольшей степени. Исходя из максимальных и минимальных значений, предусмотренных методикой (минимальное значение -54, максимальное значение +54), мы можем сделать вывод, что выраженность всех компонентов находится в области положительных значений.

Таблица 21. Средние значения и стандартное отклонение для методики ПИР

Шкалы	Среднее значение	Стандартное отклонение
Когнитивный компонент образа идеального отца	19,0800	8,90961
Эмоциональный компонент образа идеального отца	16,3000	8,26166
Поведенческий компонент образа идеального отца	25,1000	11,15430

Прямая корреляция была найдена между поведенческим компонентом образа идеального отца и характеристикой «Сила» в образе реального отца ($P=0,016$). Корреляционный анализ по критерию Спирмена обнаружил обратную связь между когнитивным компонентом образа идеального отца со шкалой «Эмоциональная теплота/отвержение» ($P=0,03$). Также корреляционный анализ показал, что поведенческий компонент образа идеального отца связан с такими шкалами опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» как «Внешнее благополучие» ($P=0,05$), «Семейный перфекционизм» ($P=0,009$), а также общим баллом семейных дисфункций. Все описанные корреляции показаны в таблице 22.

Таблица 22. Значимые связи шкал методики ПИР для образа идеального отца и других методик ($P<0,01$; * $P<0,05$)**

СЭЖ	ПИР (идеальный отец)	Когнитивный компонент образа идеального отца	Поведенческий компонент образа идеального отца
Сила (Личностный семантический дифференциал)			0,016*
Эмоциональная теплота/отвержение (РВИ)		0,030* (-)	
Внешнее благополучие (СЭЖ)			0,050*
Семейный перфекционизм (СЭЖ)			0,009**
Общий балл семейных дисфункций (СЭЖ)			0,018*

Субъективное восприятие уверенности в себе собственного отца, уровня его независимости связано с образом идеального отца, а именно с оценкой навыков по воспитанию и развитию ребёнка. Чем выше оценка волевых характеристик собственного отца, а также степень выраженности таких особенностей взаимоотношений с отцом как стремление к внешнему благополучию и перфекционизм, тем выше значение воспитательных умений и навыков при описании идеального отца.

3.3.3. Факторы, связанные с образом себя в роли отца

Для изучения особенностей восприятия мужчин в новой для себя роли отца использовался инструмент «Личностный семантический дифференциал». Средние значения и стандартное отклонение по трём аспектам образа указаны в таблице 23. Минимальное значение -21, максимальное значение +21, при этом низкими считаются значения в диапазоне от -21 до 7, средними – от 8 до 16, высокими – от 17 до 21. Рассматривая образ отца с точки зрения оценки, силы и активности, можно сделать вывод, что аспект «Оценка фигуры отца» является наиболее выраженным. Характеристики «Оценка» и «Активность» находятся на уровне средних значений, а «Сила» – на уровне низких, при этом все характеристики находятся на положительном полюсе.

Таблица 23. Средние значения и стандартное отклонение для методики «Личностный семантический дифференциал» (роль отца)

Шкалы	Среднее значение	Стандартное отклонение
Оценка	13,9600	4,75077
Сила	7,9200	5,75996
Активность	8,6200	5,15035

Корреляционный анализ выявил, что «Оценка» и «Сила» одновременно связаны прямой зависимостью с эмоциональным компонентом образа отца ($P=0,005$ и $P=0,015$), оценкой фигуры отца ($P=0,027$ и $P=0,005$), шкалой «Эмоциональная теплота/отвержение» ($P=0,004$ и $P=0,002$). Оценка себя в роли отца связана с поведенческим компонентом образа отца ($P=0,002$, прямая связь). Также шкала «Сила» связана прямой зависимостью со шкалой «Автономия» ($P=0,027$). Все перечисленные корреляции указаны в таблице 24.

Таблица 24. Значимые связи компонентов «Личностного семантического дифференциала» при оценке себя в роли отца и других методик ($p<0,01$; * $p<0,05$)**

Личностный семантический дифференциал (роль отца)	Оценка	Сила
Эмоциональный компонент образа отца (ПИР)	0,005**	0,015*
Поведенческий компонент образа отца (ПИР)	0,002**	
Оценка фигуры отца (Сем.дифф.)	0,027*	0,005**
Эмоциональная теплота/отвержение (РВИ)	0,004**	0,002*

Автономия (РВІ)		0,027*
-----------------	--	--------

Уважение к себе в роли отца, принятие себя в этой роли, уверенность в себе в роли отца связаны с уважением к собственному отцу и с положительной оценкой эмоциональной составляющей фигуры отца, которая выражается в эмоциональной теплоте, проявлениях родительских чувств, отношении к ребёнку, супруге и к себе как к родителю. Чем выше оценка уровня навыков и умений собственного отца в вопросах воспитания и развития ребёнка, тем выше уважение к себе в роли отца и легче принятие себя в этой роли.

Чем выше уважение к фигуре отца и оценка её эмоционального аспекта, тем больше вероятность высокого уровня принятия роли отца, уважения к себе в этой роли и уверенности в себе как в отце: прочная идентификация с отцом при условии его положительного восприятия создаёт опору для становления мужчины в новой родительской роли.

Обсуждение результатов

По результатам проведённой работы можно сделать вывод о том, что подтвердилась наша основная гипотеза: существует взаимосвязь между отношениями мужчины с отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве и первым опытом отцовства. Это подтверждается сравнением двух групп респондентов, а также корреляционным анализом. Для более детального обсуждения полученных результатов обратимся к частным, дополнительным гипотезам.

Одна из дополнительных гипотез заключалась в предположении о том, что взаимоотношения с отцом в детстве связаны с особенностями взаимодействия молодого отца с ребёнком до 3-ёх лет. Частный аспект этой гипотезы был выведен в следующее предположение: специфика эмоциональной составляющей в общении с отцом в детстве связана с особенностями взаимодействия молодого отца с ребёнком до 3-ёх лет. Обе гипотезы мы считаем подтверждёнными.

Так, восприятие состояния ребёнка, понимание причин состояния и принятие роли отца связаны с уровнями эмоциональной теплоты и критики собственного отца в детстве мужчины, а также с подавлением эмоциональных проявлений с его стороны: чем выше была отцовская эмоциональная теплота и ниже уровень критики и подавления эмоций сына в детстве, тем меньше трудностей испытывает молодой отец при определении состояния ребёнка и его причин, а также в принятии родительской роли. Кроме того, чувства, возникающие при взаимодействии с ребёнком, уровень принятия ребёнка связаны с эмоциональной теплотой собственного отца в детстве: чем более мужчина был связан с отцом эмоционально, тем меньше риск возникновения проблем с принятием ребёнка и чувствами при взаимодействии с ним. Эти результаты согласуются с выводами о влиянии эмоциональных отношений мужчины с отцом в детстве на его собственные взаимоотношения с ребёнком (Miller, 2013).

Также критика со стороны отца в детстве может негативно повлиять на стремление к телесному контакту с ребёнком, фиксация отца на негативных переживаниях, трудностях и неудачах – на проявление эмпатии по отношению к ребёнку, а отцовский перфекционизм в воспитании – на ориентацию на ребёнка во время взаимодействия.

Поскольку нам удалось разделить выборку на две группы по шкале «Элиминирование эмоций» методики «Семейные эмоциональные коммуникации», и между этими группами были обнаружены значимые различия, можно сделать вывод о том, что запрет или ограничения эмоциональных проявлений со стороны отца в детстве связаны со спецификой детско-отцовских отношений взрослого мужчины с первенцем до 3-ёх лет, а именно с его способностью воспринимать состояние своего ребёнка, то есть определять что чувствует и чего хочет ребёнок, со способностью понимать причины состояния ребёнка, а также с умением оказывать ребёнку эмоциональную поддержку. Мужчины, чьи чувства в детстве подавлялись их отцом, с большей вероятностью будут иметь проблемы в понимании

состояния ребёнка и причин этого состояния, а также в способности оказать эмоциональную поддержку ребёнку. Этот результат может объясняться по-разному. Согласно гипотезам об идентификации с отцовской фигурой и использовании её в качестве модели молодой отец может воспроизводить отцовские паттерны взаимодействия со своим ребёнком: подавление эмоциональных проявлений может проявляться в трудностях идентификации состояния ребёнка и его причин и слабой способности оказывать эмоциональную поддержку (Corneau, 1991; Липпо, 2007; Miller, 2013). Также результат может объясняться развитием эмоционального интеллекта: при ограничении проявлений эмоциональной сферы в детстве могут возникнуть проблемы в понимании чужих эмоций и управлении ими (Ramchandani et al, 2005; Ильин Е. П. 2019). В целом большое значение эмоциональных коммуникаций между отцом и сыном подчёркивается многими исследователями, и подтверждается результатами данной работы (Corneau, 1991; Коряков, 2002; Калина, Холмогорова, 2007).

Следующая гипотеза, которую мы сформулировали в рамках данного исследования, звучит так: образ отца, сложившийся в результате взаимоотношений с отцом в детстве, связан с образом идеального отца и восприятием себя в роли отца в первые три года отцовства. Данная гипотеза также подтвердилась: выявлены значимые связи образа реального отца в детстве с оценками себя в роли отца, а также с образом идеального отца.

Выявленные корреляции свидетельствуют о связи представлений о себе в роли отца с оценками фигуры собственного отца. Так, обнаружена связь между компонентами «Оценка» и «Сила» и оценкой фигуры отца, а также эмоциональным компонентом образа отца. Это значит, что уважение к себе в роли отца, принятие себя в этой роли, а также уверенность в себе в отцовской роли связаны с общим уважением к собственному отцу и с положительной оценкой эмоциональной составляющей фигуры отца, которая выражается в проявлениях родительских чувств, отношении к ребёнку, супруге и к себе как

к родителю. Чем выше уважение к фигуре отца и оценка её эмоционального аспекта, тем больше вероятность высокого уровня принятия роли отца, уважения к себе в этой роли и уверенности в себе как в отце.

Компонент «Оценка себя в роли отца» также прямо связан с поведенческим аспектом образа отца: чем выше оценка уровня умений, навыков отца в вопросах ухода за ребёнком, его воспитания и развития, тем выше уважение к себе в роли отца и легче принятие себя в роли отца. Данные результаты согласуются с предположениями исследователей в этой области: принятие роли отца и удовлетворённость ею связаны с отношениями с собственным отцом, с восприятием его образа (Борисенко, 2007; Левченко, 2008).

Результаты также говорят о связи поведенческого аспекта образа идеального отца и характеристикой «Сила» в образе реального отца. Это говорит о том, что субъективное восприятие волевых характеристик реального отца, уверенности в себе, уровня независимости связано со сформированным образом идеального отца, а именно с оценкой навыков по воспитанию и развитию ребёнка. Чем выше оценка волевых характеристик собственного отца, тем выше значение воспитательных умений и навыков при описании идеального отца. Данные результаты свидетельствуют о значении отцовской фигуры в качестве одной из ключевых моделей для построения собственных представлений об идеальном отцовстве, что согласуется с результатом исследования Липпо – образ реального и идеального отца характеризуются взаимовлиянием за счёт идентификацией мужчины со своим отцом, а также с результатами зарубежных исследователей. (Липпо, 2007; Miller, 2013).

Последняя гипотеза заключается в предположении о том, что особенности взаимоотношений с отцом в детстве связаны с образом идеального отца и восприятием себя в роли отца в первые три года отцовства. Подтверждение этой гипотезы получено также с помощью корреляционного анализа. Уровень эмоциональной теплоты отца в детстве прямо связан с

принятием себя в роли отца, удовлетворённостью и уверенностью в себе в этой роли, и обратно связан с когнитивным аспектом образа идеального отца, то есть со значением знания родительских функций, осознания родственной связи с детьми при описании идеального отца. Чем выше был уровень эмоциональной теплоты по отношению к сыну в детстве, тем более удовлетворённым и уверенным в роли отца будет выросший сын и тем меньшее значение в описании идеального отца для него будут когнитивные аспекты. Такие характеристики детских взаимоотношений с отцом как стремление к внешнему благополучию и перфекционизм прямо связаны с поведенческим компонентом образа идеального отца. Чем выше в поведении отца наблюдалось стремление к воспитанию сына в духе высоких стандартов и к сокрытию проблем от окружающих, тем большее значение в описании идеального отца для взрослого сына будут поведенческие аспекты, связанные с воспитательными навыками. Этот результат также согласуется с выводом о высокой степени влияния реального отца на формирование идеального родительского образа, на который в итоге мужчина будет ориентироваться в своём отцовстве (Липпо, 2007).

Следует сказать, что в данном исследовании не были изучены отношения с матерью, которые также могли повлиять на результаты. В частности, было бы ценным узнать, может ли принимающая и эмоционально доступная мать смягчить эффект влияния отца, подавляющего эмоциональную сферу сына, и снизить риски возникновения трудностей у взрослого мужчины в эмоциональной коммуникации с его ребёнком. Также, важно узнать, насколько устойчивы данные трудности в детско-отцовском взаимодействии, и могут ли они ослабляться или исчезать при взаимодействии с ребёнком старше 3-ёх лет, а также со вторым и последующими детьми.

В качестве ограничения результатов данного исследования можно выделить небольшой размер выборки. Молодые отцы являются малодоступной группой для исследования, и, в связи с этим, вытекает

следующее ограничение: отцы, согласившиеся участвовать в данном исследовании, могут быть более осознанными, включёнными в свою отцовскую роль, иметь высокую мотивацию узнать что-либо о себе в отцовской роли и о взаимодействии с ребёнком. Таким образом, в выборку могли не войти менее осознанные, рефлексивные и мотивированные мужчины.

Тема связи детских отношений мужчины со значимой мужской фигурой и собственного родительского опыта имеет большое количество материала для изучения: множество аспектов взаимодействия, специфика устройства семьи, её состав и отношения внутри неё могут быть изучены в связи с собственным опытом отцовства. Данные этого исследования и последующих по данной теме могут быть полезными для переоценки значения детско-отцовских отношений, а также использоваться для определения рисков возникновения специфических трудностей во взаимодействии с ребёнком даже до его рождения посредством изучения опыта отношений мужчины со своим отцом или иной значимой мужской фигуры в детстве.

ВЫВОДЫ

В ходе данного исследования была изучена специфика первого опыта отцовства в связи с отношениями мужчины с собственным отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве.

Было выявлено, что отношения с отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве связаны с первым опытом отцовства: с принятием себя в роли отца, восприятием себя в этой роли, с характеристиками эмоционального взаимодействия с ребёнком.

1. Степень принятия себя в роли отца связана с уровнем эмоциональной теплоты и критики со стороны отца: чем более эмоционально доступным и менее критикующим описывается отец мужчины, тем выше у него уровень уважения к себе в отцовской роли.
2. Восприятие себя в роли отца также связано проявлением тёплого отцовского эмоционального отношения в детстве мужчины: позитивный детский опыт эмоционального общения с отцом связан со степенью уверенности в себе в родительской роли и значением знания родительских функций.
3. Характеристики эмоционального взаимодействия с ребёнком коррелируют с различными аспектами отношений с отцом в детстве: способность мужчины воспринимать состояние ребёнка, причины состояния, а также умение оказывать ему эмоциональную поддержку связаны с элиминированием эмоций со стороны отца в детстве, с проявлением эмоционального отвержения и уровнем критики. Чувства, возникающие при взаимодействии с ребёнком связаны с проявлением тёплого отцовского эмоционального отношения в детстве мужчины. Стремление к телесному контакту с ребёнком, проявление эмпатии к нему и ориентация на ребёнка во время взаимодействия связаны соответственно с такими особенностями отцовского поведения в

детстве как критика, фиксация на негативных переживаниях и перфекционизм.

Также было выявлено как образ отца связан с первым опытом отцовства: с принятием себя в роли отца, восприятием себя в роли отца и с детско-отцовскими отношениями.

1. Уровень принятия себя в роли отца коррелирует с уважением к собственному отцу, с положительной оценкой эмоциональной составляющей фигуры отца, выражаемой в проявлениях родительских чувств, отношении к ребёнку, супруге и к себе как к родителю, и с поведенческим аспектом образа отца, который заключается в оценке навыков и умений в вопросах ухода, воспитания и развития ребёнка.
2. Уверенность в себе в роли отца также связана с уважением к собственному отцу и с оценкой эмоционального аспекта отцовского образа. Чем большего уважения заслуживает отцовская фигура и чем выше оценивается её эмоциональный аспект, тем сильнее выражается уверенность в себе в роли отца у мужчины.
3. Эмоциональный и поведенческий компоненты образа отца связаны с восприятием состояния ребёнка, пониманием причин этого состояния, чувствами, которые вызывает взаимодействия с ребёнком. Эмпатия и способность оказывать эмоциональную поддержку коррелирует с поведенческим аспектом образа отца. Способность понимать состояние ребёнка и его причины связано с уважением к отцовской фигуре.

Таким образом, в результате этого исследования мы выяснили, что отношения с отцовской фигурой в детстве важны для становления собственного родительства мужчины, формирования отношения к себе в новой родительской роли и эмоциональных взаимоотношений с первым ребёнком до 3-ёх лет. При этом особую значимость имеет именно эмоциональный аспект поведения отца по отношению к своему сыну.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведённого исследования, можно утверждать, что его цель достигнута и все задачи выполнены. Был проведён обширный и подробный анализ имеющейся литературы по теме отцовства, выделены малоизученные проблемы и проверены гипотезы, интересовавшие нас.

Основная и дополнительные гипотезы исследования были подтверждены. Было обнаружено, что существует взаимосвязь между отношениями мужчины с отцом или иной значимой мужской фигурой в детстве и первым опытом отцовства. В частности, результаты показали, что взаимоотношения с отцом в детстве, особенно их эмоциональная составляющая, а также образ собственного отца связаны с принятием роли отца, восприятием себя в этой роли, описанием образа идеального отца и с особенностями взаимодействия молодого отца с ребёнком до 3-ёх лет.

Исследование имеет ограничения в связи с малой выборкой и большим количеством потенциально влияющих факторов (материнское влияние, состав родительской семьи, взаимоотношения в ней и т. д.). Однако, охватить все потенциальные факторы влияния в одном исследовании затруднительно, поэтому важным и ценным является дальнейшее изучение темы с учётом этих переменных. Данная работа может быть продолжена с большей выборкой, с отцами детей от 3-ёх лет, а также со вторым и последующими детьми.

Можно констатировать, что тема отцовства в целом и аспекта связи родительской семьи и формирования собственного родительства остаются актуальными.

Полученные данные можно использовать для разработки программ поддержки будущих отцов, а также в семейном и индивидуальном психологическом консультировании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиншина, Н. В. Особенности представлений об отцовстве у молодых отцов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2011. – Т. 10. – № 12. – С. 271-278.
2. Архиреева Т. В. Основные направления исследования проблемы отцовства в психологии // Психологические проблемы современной семьи: сб. тезисов VI Междунар. науч. конф. 2015. – М.: МГУ, 2015. – С. 658-676.
3. Архиреева Т. В. Образ идеального отца у мужчин, имеющих детей // Женщина в российском обществе, 2020. – № 1. – С. 70-84.
4. Борисенко Ю. В. Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов // Известия Иркутского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – С. 23-33.
5. Борисенко Ю. В. Психология отцовства. – Москва-Обнинск: «ИГСОЦИН», 2007. – 220 с.
6. Борисенко Ю. В. Отцовство как психологический фактор развития личности. LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 264 с.
7. Боулби, Д. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
8. Боуэн М. О дифференциации «я» // Московский психотерапевтический журнал. – 2005. – №2. – С. 147-164.
9. Боязитова Т. Д. Ценностно-смысловые аспекты психолого-педагогической деятельности отца // Вестник университета (Гос. ун-т упр.), 2011. – № 6. – С. 18-19.
10. Васильева Н. Л. Детский психоанализ. – СПб.: Издательство СПбГ, 2006. – 256 с.
11. Володина К. А. Исторический аспект становления категории «образ» в психологической науке // Вестник Шадринского гос. пед. ун-та. – 2014. – № 3 (23). – С. 91-97.
12. Выготский Л. С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
13. Гозман Л. Я. Шкалы любви и симпатии // Методические программы и методики исследования брака и семьи / отв. Ред. В. М. Мацковский. – М.: ССА, 1986. – С. 25-29.
14. Гулина М.А. Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26. – № 1. – С. 129-145.
15. Дмитриева Н. В. Кризисная идентичность посттравматической личности: монография. – Новосибирск: НГПУ, 2014. – 191 с.
16. Захарова Е. И. Исследование особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия // Журнал практического психолога. – 1996. – № 6.

17. Захарова Е. И. Родительство как ресурс личностного развития в зрелости // Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы. – 2010. – № 1. – С. 29.
18. Калина О. Г., Холмогорова А. Б. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность подростков // Вопросы психологии. – 2007. – № 1. – С. 15-26.
19. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2019. – 784 с.
20. Калина О. Г., Холмогорова А. Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. – М.: Форум, 2011. – 112 с.
21. Калина О. Г. Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевою идентичность подростков: Дис. на соиск. уч. степени канд. психол. наук / Моск. гор. психолого-пед. ун-т. — М., 2007. — 152 с.
22. Калина О. Г. Психологические последствия недостаточной представленности эмоционально-позитивной мужской функции в семье и в образовательном пространстве // Психологическая наука и образование. – 2008. – Т. 13. – № 4. – С. 82-90.
23. Кедярова Е. А. Специфика отцовского отношения к детям дошкольного возраста // В мире научных открытий. – 2013. – № 11.4 (47). – С. 151-160.
24. Келли Г. Ф. Основы современной сексологии. – СПб: Питер., 2000. – 896 с.
25. Клёцина И. С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам // Ответственное отцовство: новые формы социальной работы. – СПб.: Питер, 2010. – С. 7-28.
26. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. СПб.: Академический проект, 2001. 512 с.
27. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.
28. Конюхов, Н.Н. Прикладные аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы. – М. : Знание, 1994. – 203 с.
29. Коряков Я. И. Эволюция родительских образов в психоанализе // Психологический вестник Уральского государственного университета. – 2002. – № 3. – С. 101-123.
30. Кохут Х. Восстановление самости. – М.: Когито-Центр, 2002. – 368 с.
31. Кочубей Б. И. Мужчина и ребенок. – М.: Знание, 1990. – 79 с.
32. Левченко А. В. Аспекты личностной готовности современного мужчины к отцовству // Российский психологический журнал. – 2008. – № 5 (3). – С. 93-95.
33. Левченко А. В. Представления о собственном отцовстве у мужчин и факторы, их обуславливающие: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Краснодар, 2009. – 28 с.
34. Липпо С. В. Образ отца как фактор самоактуализации личности: Дис. на соиск. уч. степени канд. психол. наук / Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена – СПб., 2006.

35. Литвинова А.В., Большакова Н.Г. Зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи»: в 3ч. Ч.2 / под общ. Ред. Д-ра психол. Наук В. К. Шабельникова и канд. Психол. Наук А.Г. Лидерса. – М. – 2005. – С. 318-322.
36. Овсянникова, Е.А. Ценностные ориентации отцов с разными родительскими установками // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2016. - Т.2. – № 2. – С.28-33.
37. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 319 с.
38. Овчарова Р.В. Психология родительства: учеб. пос. для студентов высш. учеб. завед. М.: издательский центр «Академия». 2005. 368 с.
39. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. - 496 с.
40. Овчарова Р. В., Токарева Ю. А. Представления о самом себе и ребёнке у отцов различных типов // Вестник Курганского государственного университета. 2008. №1 (11).
41. Олифиревич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. – СПб.: Речь, 2006. – 260 с.
42. Осинская С. А., Кравцова Н. А. Образ отца как детерминанта созависимости // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – № 3 (34). – С. 122-116.
43. Петрановская Л. В. Тайная опора: привязанность в жизни ребенка. – М.: Времена, 2017. – 288 с.
44. Посохова С. Т. Липпо С. В. Образ отца как фактор самоактуализации у подростков и взрослых. // Современные проблемы психологии семьи. Сб. статей. СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. С. 81-87.
45. Посохова С. Т., Липпо С. В., Манеров Р. В. Образ отца и самоактуализация личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. Сер. 12, Социология. – № 3. – С. 23-30.
46. Тайсон Ф., Тайсон Р. Л. Психоаналитические теории развития М.: Когито-Центр, 2006. - 407 с.
47. Удальцова, М. О. К проблеме исследования родительской позиции отца и самооценки дошкольника // Вестник Университета (Государственный университет управления). Социология и управление персоналом. – М.: ГУУ, 2009. – №32. – С. 118-120.
48. Фигдор Г. Дети разведенных родителей. Между травмой и надеждой. – СПб: Питер, 2021. – 336 с.

49. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // В кн. Я и Оно: Труды разных лет. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Т. 1, 346 с.
50. Фрейд З. Введение в психоанализ. – М.: АСТ, 2015. – 544 с.
51. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 4. – С. 97-125.
52. Blundell S. Fatherless sons: psychoanalytic psychotherapy with bereaved boys / Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of fathers. – Hove: Brunner & Routledge, 2002.
53. Braun A., Vincent C., Ball S. J. Working-class fathers and childcare: The economic and family contexts of fathering in the UK. // Community, Work & Family, 2010. – № 14. – P. 19-37.
54. Britton R. The missing link: Parental sexuality in the Oedipus complex // The Oedipus complex today / J. Steiner (ed.). – London: Karnac Books, 1989. – P. 83-101.
55. Burlingham D. The preoedipal infant-father relationship // Psychoanal. Study Child, 1973. – № 28. – P. 23 – 47.
56. Cabrera N.J. et al. The magic of play: low-income mothers' and fathers' playfulness and children's emotion regulation and vocabulary skills // Infant Ment. Health J. – 2017. – № 38. – P. 757-771.
57. Chen P. Inner child of the past: long-term protective role of childhood relationships with mothers and fathers and maternal support for mental health in middle and late adulthood // Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol, 2021.
58. Chiang et al. Effects of parenting role and parent–child interaction on infant motor development in Taiwan: Birth Cohort Study // Early Hum. Dev. – 2015. – № 91. – P. 259-264.
59. Clowes L., Ratele K., Shefer T. Who needs a father? South African men reflect on being fathered // Journal of Gender Studies, 2013. – № 22 (3) – P. 255-267.
60. Condon J. T. et al. A longitudinal study of father-to-infant attachment: antecedents and correlates. // Journal of Reproductive and Infant Psychology. – 2013. – Vol. 31. – № 1. – P. 15-30.
61. Corneau, G. Absent fathers, lost sons: The search for masculine identity. Shambhala Publications, 1991. – 204 p.
62. East L., Jackson D., O'Brien L. Father absence and adolescent development: A review of the literature // Journal of Child Health Care, 2006. – № 10 (4). – P. 283-295.
63. Etchegoyen A. Psychoanalytic ideas about fathers // The importance of fathers. Hove: Brunner-Routledge, 2002.
64. Fagan J., Lee Y. Effects of fathers early risk and resilience on paternal engagement with 5-year-olds // Journal of Family Relations, 2012. – № 61(5). – P. 878-892.

65. Flouri E., Narayanan M. K., Midouhas, E. The cross-lagged relationship between father absence and child problem behaviour in the early years. // *Child: Care, Health and Development*, 2015. – № 41 (6). – 1090-1097 p.
66. Green A. *La déliaison: psychanalyse, anthropologie et littérature*. – Paris: Les Belles Lettres, 1992. – 388 p.
67. Herland M. D., Hauge M.-I., Helegland I. M. Balancing fatherhood: Experiences of fatherhood among men with a difficult past // *Qualitative Social Work*, 2015. – № 14 (2). – P. 242-258.
68. Hoffman J. *Working with fathers: What social science research tells us about fathers and how to work with them*. // Peterborough: Father Involvement Research Alliance, 2011.
69. Huang H. et al. Paternal influences from early pregnancy to postpartum years on child development: A longitudinal study // *Journal of Affective Disorders*. – 2020. – Vol. 275. – P. 23–30.
70. Kalinich L.J., Taylor S.W. *The Dead Father: A Psychoanalytic Inquiry*. – London: Routledge, 2009. – 224 p.
71. Kochanska G, Kim S. Early attachment organization with both parents and future behavior problems: From infancy to middle childhood // *Child Development*. – 2013. – Vol. 84. – № 1. – P. 283-296.
72. Krampe E. The inner father // *Fathering*, 2003. – №6. – № 46. – P. 15–27.
73. Kroll et al., Early father involvement and subsequent child behaviour at ages 3, 5 and 7 years: prospective analysis of the UK millennium cohort study // *PLoS One*. – 2016. – Vol. 11.
74. Lamb M., Lewis C. The development and significance of father-child relationships in two-parent families // *The role of father in child development*. – New Jersey: Wiley, 2004. – P. 272-307.
75. Loewald H. Ego and reality // *The International Journal of Psychoanalysis*, 1951. – Vol. 32. – P. 10-18.
76. Mahler M.S., Gosliner B.J. On Symbiotic Child Psychosis // *The Psychoanalytic Study of the Child*, 1955. – Vol. 10 (1). – P. 195-212.
77. Mahler M. S., Pine F., Bergman A. *The Psychological Birth of the Human Infant*. – London: Hutchinson, 1975.
78. Majdandžić M et al. Fathers' challenging parenting behavior predicts less subsequent anxiety symptoms in early childhood // *Behav Res Ther*. – 2018. – Vol. 109. – P. 18-28.
79. Malmberg L. The influence of mothers' and fathers' sensitivity in the first year of life on children's cognitive outcomes at 18 and 36 months // *Child Care Health and Development*. – 2015. – Vol. 42. – № 1.

80. Markowitz A. J., Ryan R. M. Father absence and adolescent depression and delinquency: A comparison of siblings approach // *Journal of Marriage and Family*, 2016. – № 78. – P. 1300-1314.
81. McLanahan S., Tach L., Schnieder D. The causal effects of father absence // *Annual Review of Sociology*, 2013. – № 39. – P. 399-427.
82. Mendez L. M. et al. “Either come together or fall apart”: Coparenting young children with challenging behaviors // *Couple and Family Psychology: Research and Practice*. – 2015. – Vol. 4. – № 74.
83. Metz M. et al. When Father Steps Forward and Mother Steps Back: The Moderating Role of Simultaneity in Parents' Coparenting Behaviors in the Development of Anxiety in 4- to 30-Month-Olds // *Infancy* – 2017.
84. Miller E. D. Why the Father Wound Matters: Consequences for Male Mental Health and the Father-Son Relationship // *Child Abuse Review*, 2013. – Vol. 22. – Issue 3. – P. 194-208.
85. Murdock K.W., Pittman L.D., Fagundes C.P. Maternal and paternal predictors of child depressive symptoms: an actor-partner interdependence framework // *J. Child Fam. Stud.* – 2018. – Vol. 27. – P. 559-568.
86. Nilsen A. C. E., Sagatun, S. Boys' construction of fatherhood when their fathers are absent // *Nordic Social Work Research*, 2015. – № 5 (2). – P. 113-128.
87. Palkovitz R., Copes M. A, Woolfolk T. N. ‘It's like...you discover a new sense of being’: Involved fathering as an evoker of adult development // *Men and Masculinities*, 2001. – № 4. – P. 49-69.
88. Pedersen, F. A., and Robson, K. S, (1969). Father participation in infancy. *Amer. J. Orthopsychiat.*,– № 39. – P. 466-472.
89. Pitsoane E. M., Gasa V. G. The role of father-son relationship in behavioural and emotional development of adolescent boys // *Gender & Behaviour*, 2018. – Vol. 16. – Issue 1. – P. 48-57.
90. Quach J. et al. Do fathers' home reading practices at age 2 predict child language and literacy at age 4? // *Acad. Pediatr.* – 2018. – Vol. 18. – P. 179-187.
91. Ramchandani P. G. et al. Paternal depression in the postnatal period and child development: A prospective population study // *The Lancet*. – 2005. – Vol. 365. – P. 2201-2205.
92. Ramchandani P. G. et al. Do early father-infant interactions predict the onset of externalising behaviours in young children? Findings from a longitudinal cohort study // *J Child Psychol Psychiatry*. – 2013. – Vol. 54. – №1. – P. 56-64.
93. Rohner R. Father love and child development: history and current evidence // *Current Directions in Psychological Science*, 1998. – Vol. 7. – P. 157-161.

94. Rosenfeld D. Psychic changes in the paternal image // *Int. J. Psychoanal.*, 1992. – № 73.
95. Sethna V. et al. Father-child interactions at 3 months and 24 months: contributions to children's cognitive development at 24 months // *Infant Ment. Health J.* – 2017. – Vol. 38. – P. 378-390.
96. Shirani F., Henwood K. Continuity and change in a qualitative longitudinal study of fatherhood: Relevance without responsibility // *International Journal of Social Research Methodology*, 2010. – № 14. – P. 17-29.
97. Stevens A. *Archetype Revisited. An Updated Natural History of the Self.* – London Routledge. 2015. – 406 p.
98. van Prooijen D. L. et al. Self-control, parenting, and problem behavior in early childhood: A multi-method, multi-informant study // *Infant Behav Dev.* – 2018. – Vol. 50. – P. 28-41.

Информированное согласие на добровольное участие в исследовании

Вам предлагается принять участие в психологическом исследовании. цель которого – изучение значения фигуры отца в опыте родительства сына. Исследование проводится под научным руководством_____. У данного исследования нет источника финансирования, оно не спонсируется фондами и не поддерживается грантами. Мы благодарим Вас за проявленный интерес к исследованию, но прежде чем Вы примете решение об участии в нём, мы бы хотели предоставить Вам больше информации о процедуре исследования, возможных рисках и выгодах. Пожалуйста, внимательно прочитайте информацию ниже, чтобы принять решение об участии.

Условия участия в исследовании

В исследовании могут принять участие мужчины в возрасте от 18 лет, ставшие отцами впервые, и чей ребёнок не достиг возраста 3 лет.

Обязательно ли Вам участвовать в данном исследовании?

Участие в исследовании является добровольным. Вы можете отказаться от участия в нём на любом этапе без каких-либо негативных последствий. Кроме того, Вы можете попросить исключить Ваши данные из выборки даже после того, как они будут Вами предоставлены.

Конфиденциальность.

Ваши имя, фамилия и любые другие персональные данные не будут упомянуты где-либо в связи с теми сведениями, которые Вы сообщите. Все данные, собранные в ходе исследования, будут представляться только в общем массиве, а не индивидуально, храниться на защищённых электронных носителях и будут доступны только исследовательской группе.

Что от Вас потребуется и сколько времени это займет, если Вы согласитесь принять участие?

В том случае, если Вы решите принять участие в этом исследовании, Вам будет необходимо подтвердить своё согласие. Затем Вам будет предложено в формате онлайн заполнить анкету для сбора демографических и биографических данных (пол, возраст, и т.п.). После этого также в формате онлайн Вы сможете заполнить несколько психодиагностических методик, вопросы которых касаются родительства, Вашего детства и отношений с отцом или иной значимой мужской фигурой. Общее время прохождения анкеты и методик – 30-50 минут. По окончании исследования Вы сможете ознакомиться с его результатами.

Возможные риски

В целом потенциальный риск для участников исследования сведён к минимуму. Однако заполнение опросников может оказаться для Вас утомительным, и некоторые вопросы, возможно, затрагивают личные и/или эмоционально тяжёлые темы. Помните, что Вы можете отказаться от участия в исследовании на любом этапе.

Выгоды

Участие в исследовании не предполагает получение респондентом материальной компенсации, или какой-либо другой прямой выгоды. Однако после прохождения анкеты и методик Вы можете получить обратную связь в виде интерпретации Ваших результатов по психодиагностическим методикам, а также по желанию, Вам могут быть высланы результаты всего исследования, когда оно будет завершено. Участвуя в исследовании, Вы вносите вклад в развитие науки, и в частности – в изучение роли отца в психическом развитии ребёнка.

Контактная информация

Если у Вас возникли или возникнут вопросы, касающиеся исследования, Вы можете связаться с организатором исследования по электронной почте _____.

Если Вы хотите получить обратную связь, просим оставить Ваши контактные данные

Телефон:

e-mail:

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ НА УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ

Подписывая данную форму информированного согласия, я подтверждаю, что прочитал(а) и понял(а) цели, процедуру, методы и возможные неудобства участия в исследовании. У меня была возможность задать все интересующие меня вопросы. Я получил(а) удовлетворительные ответы и уточнения по всем вопросам, интересовавшим меня в связи с данным исследованием. Я даю свое согласие на участие в исследовании.

Подпись участника исследования

Дата: « ____ » _____ 20__